

Центр по изучению современной Японии
The Center for Contemporary Japanese Studies

Институт мировой экономики и международных отношений РАН
Institute of World Economy and International Relations Russian Academy
of Sciences

Японский фонд
The Japanese Foundation

Япония: полвека обновления
Japan: half a century of renovation

Москва
Moscow
ТОЛК
1995

Проект "Япония: полвека обновления" выполнен в 1993-1994 гг. в рамках деятельности Центра по изучению современной Японии, созданного на базе заключенного в 1991 г. Соглашения между Академией наук СССР (ныне — Российской Академией наук) и Японским фондом (Япония) о поддержке и развитии японоведческих исследований в России.

The Project "Japan: Half a Century of Renovation" was conceived and produced by the Center for Contemporary Japanese Studies in 1993-1994 under an agreement, concluded between the Academy of Sciences of the USSR (now, the Russian Academy of Sciences) and the Japan Foundation in 1991 to promote these studies in Russia, with effective technical and financial support from the said Foundation.

RESUME

The Project "Japan: Half a Century of Renovation" was perceived as a concerted effort to present an objective picture of economic, political, social, and cultural changes, experienced by the country after the culmination of the Second World War. Like its predecessor ("Internationalization of Japan: domestic aspects"), the Project had as its base the Agreement between the Academy of Sciences of the USSR (now, the Russian Academy of Sciences) and the Japan Foundation, concluded in 1991 to promote Japanese studies in Russia with technical and financial support from the said Foundation. All preparatory measures concerning the Project were implemented by the Center for Contemporary Japanese studies.

In order to secure the best possible results of scientific research a team of highly professional specialists in various fields of Japanology was formed on competitive principles. It included Russian economists, politologists, and sociologists, working in Russia, as well as in Japan and one Japanese expert. They represented The Institute of World Economy and International Relations, The Institute for American and Canadian Studies, The Yokohama University, The Hitotsubashi University, S.G. Warburg Securities, Ltd, and Rotobo, Ltd, (Moscow branch). The authors of the Project were (in alphabetical order) Mr. S. V. Braginsky, Mrs. E. L. Leontieva, Mr. K. Nishida, Mr. M. G. Nosov, Mr. Ya. A. Pevzner, Mr. V. B. Ramzes, Mr. V. Ya. Rosin, Mr. V. G. Shvydko, Mr. A. V. Zagorsky, and Mr. V. K. Zaitsev.

Extremely useful role in formulating the fundamental concepts of the Project and defining the preferential spheres of analysis was played by consultants, reviewers, and other cooperators, invited to take part in evaluating the reports, compiled by the authors. Among those cooperators Mr. A. I. Dinkevitch (Institute for Oriental Studies), Mr. V. N. Khlynov (Institute for Far Eastern Studies), Mrs. I. P. Lebedeva (Institute for Oriental Studies), Mrs. S. B. Markaryants (Institute for Oriental Studies), Mr. Yu. S. Stolyarov (Institute for Far Eastern Studies), and Mr. A. V. Vilensky (Institute for Economics) should be specially mentioned.

Я 0605010205—01
5Ш4(03)—95 без объявл.

ISBN—5—87607—004—1

© Центр по изучению современной Японии.
The Center for Contemporary Japanese Studies.
© Оригинал-макет, "Техноплюс"

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Традиционная политическая культура

В послевоенной истории Японии политическая культура выглядит как фактор, в наибольшей степени изменявшийся эволюционным путем и преодолевавший наиболее извилистый путь трансформации. Поражение во второй мировой войне, без сомнения, означало для страны огромный культурный шок, подрыв политических и идеологических стереотипов, господствовавших в течение почти столетия со времен революции Мэйдзи 1868 г. В первую очередь разрушенными оказались идеологические установки о "божественном предназначении японской нации", непобедимости ее вооруженных сил, "божественном происхождении" императорской семьи и т.д., т.е. наиболее грубые и примитивные догматы авторитарно-милитаристского режима. Вместе с тем крушение даже этих мифов произошло не в силу эндогенных перемен в общественном сознании и политической ситуации, а исключительно благодаря военному поражению и капитуляции, новой политической линии на демократизацию страны, привнесенную американской оккупационной администрацией.

Тем не менее можно отметить, что культурно-политический шок капитуляции и оккупации затронул прежде всего наиболее поверхностные слои массового общественного сознания и политических ориентации, не подорвав в целом базы пассивно-консервативного восприятия политических реалий. Крах потерпели конкретные политические институты, идейные и политические догматы, но не базисные принципы политического поведения, которые и составляют основу политической культуры.

В традиционной японской политической культуре наблюдается ряд черт, способствовавших укоренению консерватизма и пассивного отношения к участию в политической жизни. По образному выражению японского культуролога К. Накамура, это "культура тайфуна типа". Подобно климату зоны тайфунов она временно сталкивается с

периодами бурь и ужасных разрушений, но после того как тайфун проходит, небо вновь становится чистым, и общество возвращается к своему исходному состоянию, как будто оно и не переживало столь бурных потрясений. Корни традиционных стереотипов политического поведения лежат глубоко в культурных принципах жизни деревенской общины, что позволило ряду японских исследователей определять этот тип политической культуры как культуру "деревенского общества".

К важнейшим из этих принципов следует отнести понятие "ва", довольно приблизительно переводимое на русский язык как "принцип гармонии". "Ва" ориентирует социальный организм на поддержание бесконфликтных отношений, неприятие оппозиционности, игнорирование и подавление мнения меньшинства. На практике такая установка реализуется через противопоставление общественно предписанных норм поведения и высказываемых взглядов ("татэмаэ") и личной позиции индивида ("хоннэ"). В жизни японского социального организма "хоннэ" значимо только для самооценки и самовосприятия личности, но в случае его расхождения с общественно признанным "татэмаэ" данной группы "хоннэ" индивидуума невозможно не только отстаивать, но даже высказывать.

Таким образом, предпочтение, отдаваемое "татэмаэ" ради поддержания общественной гармонии "ва" в традиционной японской культуре, фактически ставит вне закона любое появление альтернативной позиции в конкретном социальном организме. На практике же этот принцип приводит к доминированию даже не точки зрения большинства, а к конформизму или с устоявшимися взглядами и нормами поведения или с точкой зрения лидеров данной группы, имеющих возможность формировать желательный для себя "татэмаэ". Поскольку подобная система исключает оправданность даже выражения неортодоксального "хоннэ", в ней отсутствует и механизм выявления взглядов большинства. За позицию большинства автоматически принимается или существовавший ранее "татэмаэ" или идеи, которые можно представить как "татэмаэ" через каналы формальных, а чаще неформальных властных структур.

Вторым существенным механизмом "ва" следует считать систему отношений "оябун-кобун", описываемую в европейских терминах как отношения патрон-клиент. Описывая это явление в целом, американский автор С. Фарр отмечает: "Немногие вещи так согревают сердца

японцев, как успешные отношения между старшими и младшими (в том числе и по социальному и политическому статусу). В таких отношениях младшие проявляют лояльность, идущую от сердца, выходящую за рамки чувства обязанности выполнять любую работу, которую от них требуют. Таким образом они обретают смысл и цель своего существования. Взамен они приобретают любовь, защиту и заботу тех, кто принимает их интересы близко к сердцу".

Нарисованная картина выглядит достаточно идеалистично. В реальных правилах политической игры она означает почти абсолютное неприятие индивидуализма в становлении политической карьеры. Серьезный политик просто обязан принадлежать определенной группе и начинать свою карьеру как младший член этой группы, подчиненный одному из ее патронов. Преданное и успешное служение в этих нормах обязательно должно вознаграждаться политическим ростом, и иные пути становления политической карьеры рассматриваются как нарушение освященных традицией принципов. В сущности, система выгодна и патрону, и клиенту: патрон получает послушного исполнителя, постепенно приобщающегося к сложной внутренней политической кухне; клиент получает и необходимый опыт, и гарантии постепенного восхождения своего статуса в политической иерархии. Однако эта система отбора политической элиты способствует и консервации традиционных основ и механизмов политической деятельности.

Юридическим путем преодолеть консерватизм принципа "ва" практически невозможно. В данном случае действует более глубокий культурный механизм, предопределяющий неизбежную подстройку практики применения законодательства к жестким императивам политической культуры. В этом смысле демократический пафос первых послевоенных реформ, привнесенный в политическую жизнь Японии американскими оккупационными властями, во многом оставался чисто формальным и поверхностным, новая демократическая фразеология успешно абсорбировалась традиционными по своей сути нормами политического поведения.

В условиях жестко ограниченных возможностей культурно-политических инноваций внутри достаточно интегрированной и иерархизированной группы реальный механизм возникновения новых политических норм в японском обществе традиционно определялся становлением принципиально новых политических, или скорее даже

социально-политических объединений, в целом более подверженных влиянию процессов модернизации и возглавлявшихся личностями, провозглашавшими альтернативные политико-культурные ценности. В ходе революции Мэйдзи такую роль в первую очередь играли полунезависимые южные и юго-западные княжества, оппозиционные центральному правительству Токугава, а в эпоху Мэйдзи — партии, сформировавшиеся на волне движения за свободу и народные права. В начальный период послевоенной истории аналогичную миссию выполнили левые партии и профсоюзы, укрепившие на первых порах свои позиции в японской политической системе, благодаря курсу американских оккупационных властей на демократизацию страны.

Механизм внесения новаций в политическую культуру через появление и рост модернистских социально-политических объединений при длительном сохранении консервативной ориентации старыми группами порождает продолжительный период сосуществования и борьбы противоположных субкультур в японском обществе. На уровне политических организаций он получил отражение в длительном идеологическом противостоянии консервативных партий, объединившихся в 1955 г. в Либерально-Демократическую партию (ЛДП) и Социалистической партии (СПЯ, с 1991 г. — СДПЯ), изначально выступавшей как ведущая сила оппозиции. Внешне идейная сторона этого противостояния могла бы быть описана как противоборство устремлений консерваторов к максимальному сохранению основ довоенного политического режима и провозглашенной социал-демократами цели достижения социализма реформаторским путем. Но на практике СПЯ редко воспринималась как партия "социалистического выбора", да и сама она не делала на этом серьезного акцента. Реально политическое противостояние консерваторов-социалистов скорее проходило по оси реставрация-модернизация и вокруг военных вопросов (СПЯ традиционно известна своей пацифистской позицией).

Консерватизм-модернизм

Изначальные условия послевоенной Японии однозначно содействовали доминированию консервативных настроений в обществе. Противостояние консерватизма и модернизма в большой мере проходило по водоразделу политических ценностей города и деревни, хотя и в японском городе модернистские настроения свойственны лишь части его населения, — в первую очередь интеллектуальной элите и органи-

зованному рабочему движению. В этом смысле резкий рост профсоюзного движения в первые послевоенные годы (см. таблицу 1) существенно укреплял потенциал носителей модернистских ценностей.

Таблица 1.

Динамика степени организованности наемных работников в профсоюзах (%)

1946	39,5	1949	55,8	1952	40,3
1947	45,3	1950	46,2	1953	36,3
1948	53,0	1951	42,6	1954	

Источник: Х.Мотои (ред.), Нихон родо ундо си. (История рабочего движения в Японии). Токио, 1984, с. 1082.

Существенные различия в политических установках двух секторов политически активного населения Японии давали основания ряду исследователей выделять соответственно две принципиально различные политические субкультуры в этой стране .

Однако общий фон политических ориентации в стране определяла высокая доля деревенского населения в 40-50-х гг. Поражение во второй мировой войне, сопровождавшееся не только возвращением солдат с театров боевых действий, но и значительной репатриацией пражданского населения с ранее занятых территорий (Маньчжурия, Корея, Сахалин, Курилы) вызвало резкий рост аграрного населения. В конце 40-х гг. его доля достигала 45,5% — наиболее высокий показатель с 20-х гг. .

Неверно было бы полагать, что весь прирост аграрного населения автоматически означал нарастание консервативных настроений. Тем не менее необходимо принимать во внимание два следующих важнейших фактора:

1. Лица, вновь появлявшиеся в деревне, оставались чужаками для местной общины и неизбежно должны были подчиняться описанным выше принципам "ва" японской политической культуры. Независимо от индивидуальных взглядов новых поселенцев рост аграрного населения означал усиление влияния консервативных политических сил, искавших свою опору в деревне.
2. Успехи аграрной политики американских оккупационных властей, в первую очередь итоги аграрной реформы, создавшей обширный слой мелких земельных собственников, производивших продукцию, которая закупалась государством по твердым высоким ценам в рамках

общей системы контроля за производством продовольствия , способствовали отрыву крестьянских организаций от поддержки левых партий и появлению в деревне мощной социальной опоры консерваторов.

При всей сложности количественной оценки консервативных настроений в обществе достаточно успешные усилия в этой области предпринимаются с 1953 г. японским Статистическо-математическим институтом, обрабатывающим данные опросов, которые проводятся раз в 5 лет (см. таблицу 2).

Таблица 2.

	УПРАВЛЯЕМОСТЬ	ВЫЖИВАНИЕ	СОГЛАШАТЕЛЬНОСТЬ			ИНДИВИДУАЛИЗМ	
	В1	В2	В3	В4	В5	В6	В7
1953	-6	-16	-20	-	6	-76	
1958	12	18			8	-70	-
1963	24	28	0	-8	12	-72	4
1968	26	34	-8	-8	10	-76	16
1973	38	54	8	-10	6	-72	16
1978	28	50	0	-20	-16	-80	2
1963	30	58	-10	-26	-14	-82	-2
1988	34	62	8	-20	-14	-80	-4

Источник: S.C. Flanagan et al. The Japanese Voter. New Haven & London, 1991, p. 978.

Оценки проводились по следующим параметрам: В1 — отношения между лидером и народом; В2 — стремление к удовлетворенности или самоотрицанию; В3 — характер отношений между индивидуумом и государством; В4 — социальные обязательства и индивидуальные свободы; В5 — индивидуальный выбор или следование обычаям; В6 — персональные или рабочие отношения с начальством; В7 — личные достоинства или связи как критерии приема на работу.

Представленные количественные показатели рассчитаны следующим образом: из доли ответов (в %) , оцениваемых как отражающие современное сознание, вычиталась доля ответов (в %) , оцениваемых как отражающие консервативное сознание. Таким образом, консервативность общественного сознания выражается отрицательным показателем.

На приведенных оценках, несомненно, отразился некоторый субъективизм аналитиков, проводивших исследования. Для каждого

из приведенных пунктов они разработали свыше десятка вопросов, полный список которых невозможно привести ввиду ограниченности объема публикации. По каждому вопросу ответы были разделены на "традиционные", "нейтральные" и "модернистские". Соотношение "традиционных" (со знаком +) и "модернистских" ответов (со знаком -) служит исходным материалом для расчета итогового индекса по категориям.

Так или иначе, данные таблицы 2 наглядно демонстрируют неоднородность модернизаторских тенденций в японском общественном сознании. Наиболее значительным видится прогресс в сфере личного отношения к жизни — стабильное и существенное укрепление настроения на получение от жизни того, что она может дать, а не на традиционные установки самоотречения и самопожертвования. В собственной политической культуре бесспорно изживание слепого повиновения лидеру как установки общественного сознания. Однако в том, что касается факторов, которые определяют сознание, базирующееся на принципе "ва" (приоритет общественных обязательств над индивидуальными свободами и предпочтение личных, персонифицированных отношений с начальством), то очевидно не только изначальное доминирование, но и нарастание консервативных тенденций в японском обществе, особенно с конца 70-х гг.

Влияние политических и социальных изменений на политическую культуру

Существенной трансформации политической культуры Японии в послевоенное время способствовали также изменение акцентов в политической деятельности единственной с 1955 г. консервативной партии ЛДП и быстрый процесс изменения социальной структуры общества.

В деятельности ЛДП как правящей партии прежде всего необходимо отметить перенесение акцентов с охраны политических ценностей довоенного периода на стимулирование экономического развития страны. Объединение всех консервативных партий в 1955 г. положило конец постоянному соперничеству политиков этого направления в ходе парламентских выборов. Соперничество это осталось как таковое, но местом политической борьбы между консерваторами стала уже не национальная политическая сцена, а внутрипартийные сферы, где главную роль стали играть фракции, первоначально образовавшиеся

на базе партий, создавших ЛДП. Новые условия исключили важнейшие источники нестабильности правления консерваторов в 1945–1955 гг.: 1. существование ряда консервативных парламентских фракций, противостоящих по сути единой левой оппозиции в лице СПЯ, что иногда выводило ее на роль первой политической силы в стране (например, в итоге всеобщих выборов 1947 г.); и 2. противоборство между консервативными партиями, когда некоторые из них стремились к установлению парламентского альянса с СПЯ, что повышало влияние левых сил на национальную политику.

При существовании же объединенной ЛДП вопрос о борьбе за власть как борьбе за парламентские места практически отпадал. Однозначное доминирование консервативных настроений в стране не оставляло сомнений в победе ЛДП на любых выборах в конце 50-х и в 60-е гг. Это и позволило ей перенести акценты в своей деятельности с идеологизированных тезисов на форсирование политики экономического развития. В итоге основной политический конфликт первого десятилетия послевоенной Японии оказался снятым: опасения интеллектуалов по поводу реставрационных политических целей консервативных политиков постепенно размывались, и хотя ЛДП не теряла имиджа консервативной силы, ее облик все больше ассоциировался в глазах избирателя не столько с задачами восстановления довоенных политических ценностей, сколько с прагматичной экономической политикой и повышением общего благосостояния народа.

С другой стороны, в условиях фактического ослабления идеологизированного конфликта в обществе оппозиция постепенно теряла статус единственной силы, способной защищать японскую демократию. Вернее, вопрос о защите этой демократии становился уже неактуальным. В этой ситуации настойчиво муссирующая военную проблематику оппозиция оказывалась на периферии реальных общественных интересов. Неспособная выработать эффективную альтернативу экономической политике ЛДП, она все больше ассоциировалась с организованным рабочим движением — ее основной социальной базой, и маргинальными недовольными слоями. Понижение же уровня маргинализации общества и было одним из важнейших следствий экономической политики консерваторов.

Таким образом, собственно политические факторы послевоенного развития японского общества стимулировали ослабление идеологического противостояния и уменьшали привлекательность оппозиции как

главного защитника демократических ценностей. Напротив, появление в программных документах СПЯ лозунгов "мирной социалистической революции" (у КПЯ этот тезис присутствовал всегда, правда на ряде этапов установка была и на насильственные действия) придавало оппозиции и облик деструктивно-антидемократической силы.

Социальные изменения, явившиеся следствием высоких темпов экономического роста, порождали и противоположные стимулы эволюции политической культуры. В первую очередь это относится к размыванию важнейшей социальной опоры и японского консерватизма, и политических ценностей культуры "ва" — сельского населения (см. таблицу 3).

Быстрый рост населения крупных городов подрывал традиционные механизмы мобилизации консервативного сельского электората — сплоченную сельскую общину, политическое волеизъявление которой легко контролировалось местной элитой. При том, что формы социального взаимодействия населения существуют и в городах, его политическая роль, особенно в крупных метрополисах, значительно слабее, чем в деревне, и традиционный механизм консолидации консервативных избирателей оказался здесь куда менее эффективным.

Таблица 3.

Динамика численности сельского и городского населения Японии (% от общей численности населения)

ГОД	ГОРОДА С НАСЕЛЕНИЕМ СВЫШЕ 1 МЛН. ЧЕЛ.	ГОРОДА С НАСЕЛЕНИЕМ ДО 1 МЛН. ЧЕЛ.	ДЕРЕВНИ И ПОСЕЛКИ
1045	5,4	22,4	72,2
1950	11,4	26,1	62,5
1955	14,8	41,5	43,7
1960	17,9	45,6	36,5
1965	19,7	48,4	31,9
1970	20,1	52,1	27,8
1975	20,8	55,1	24,1
1980	19,9	56,3	23,8
1985	20,5	56,2	23,3

Источник: *Нихон токэй нэнкан. (Японский статистический ежегодник), Токио, 1990, с. 28.*

Еще более очевидна эта тенденция при анализе социального состава избирательных округов. Так, Ё.Кобаяси выделяет следующие их

типы: сверхурбанизированные округа, урбанизированное, слабоурбанизированные, средние, слабоаграрные, аграрные и сверхаграрные. Изменения их распределения на территории Японии представлены в таблице 4.

Таблица 4.
Динамика изменений типов избирательных округов по выборам в палату представителей (% от общего числа округов)

	1960	1965	1970	1975	1980
СВЕРХУРБАНИЗИРОВАННЫЕ	11,0	17,1	19,4	23,8	25,4
УРБАНИЗИРОВАННЫЕ	4,2	6,5	4,8	7,7	10,0
СЛАБОУРБАНИЗИРОВАННЫ	2,5	3,3	7,3	10,8	21,5
СРЕДНИЕ	2,5	13,0	17,7	22,3	21,5
СЛАБОАГРАРНЫЕ	11,0	14,6	18,5	10,2	14,6
АГРАРНЫЕ	22,0	28,5	23,4	13,8	6,9
СВЕРХАГРАРНЫЕ	46,6	17,1	8,9	2,3	0,0

Источник: Ё.Кобаяси, Ёндай Нихон-но энкё (Выборы в современной Японии), Токио, 1991, с. 14.

Следует учитывать и существенно возраставший, параллельно высоким темпам экономического роста, уровень образования японского населения и, соответственно, большую восприимчивость к газетной и телевизионной информации, более высокий уровень понимания текущих политических проблем.

Наиболее детальная схема полевления японского электората в годы высоких темпов экономического роста, основанная на математическом анализе многочисленных данных опросов общественного мнения, принадлежит С.Фланнагану. Она опирается на четыре элемента:

1. Занятость в современных сферах экономики ведет к организации групп недовольных (членство в профсоюзах), что в свою очередь увеличивает долю голосующих за оппозицию. Поскольку урбанизация тесно связана с занятостью в современных сферах экономики, выявляется связка факторов: плотность населения — организованность профсоюзного движения — голосование за оппозицию.

2. Урбанизация, занятость в современных сферах экономики и современные культурные ценности — каждый из этих факторов способствует повышению мобильности населения, а высокая мобильность населения напрямую связана с падением поддержки ведущей партии.

3. Существует непосредственная связь между современными культурными ценностями, современными политическими ценностями и голосованием за оппозицию.

4. Современные культурные и политические ценности, членство в профсоюзах порождают более высокий интерес и внимание к политике. Более высокий интерес к политике тесно связан с развитием более идеологизированного классового сознания. Занятость в современных секторах экономики также поощряет ориентацию на классовую идеологию, которая сама по себе способствует голосованию за оппозицию и (это еще более важно) изменяет критерии предпочтения кандидата,

что тесно связано с поддержкой оппозиции

Дополнительным эффектом быстрого экономического роста, оказавшим к концу 60-х гг. огромное воздействие на политическую психологию городского населения, стала проблема загрязнения окружающей среды.

Т.Мак-Дугалл отмечает: "Экономический рост содействовал потере консерваторами голосов на выборах в городах, потому что он ослаблял важнейшую основу поддержки консерваторов — солидарность местных сообществ жителей, и создавал новые проблемы городов, которые не могли быть адекватно решены в традиционной модели представительства регионов в парламенте. В 1958-1972 гг. проблемы строительства дорог, безработицы, обеспечения учебными заведениями утратили прежнюю актуальность. Напротив, возникли новые проблемы напряженного дорожного движения, качества потребительских товаров, загрязнения окружающей среды. По-новому встали вопросы социального обеспечения. Большинство проблем, значение которых уменьшилось, могли быть решены в партикуляристской модели представительства, характерной для политического стиля консерваторов — модели обеспечения определенных благ населению конкретного ограниченного района. Проблемы, ставшие более значимыми, — это структурные проблемы общества и экономики, и они не могут быть решены просто расширением и переделом общественного пирога"

Структурные проблемы японского общества конца 60-х — начала 70-х гг. дали старт многочисленным "неформальным" гражданским движениям, озабоченным в первую очередь проблемой охраны окружающей среды в своем конкретном регионе и крайне критически настроенным по отношению к консервативной администрации. Поддержка гражданскими движениями оппозиционных партий привела в

начале 70-х гг. к появлению в большинстве наиболее урбанизированных префектур (Канагава, Осака, Хёго, Фукуока и др.) "прогрессивных" муниципалитетов и префектуральных администраций — местной администрации во главе с независимыми мэрами и губернаторами, опиравшимися на оппозиционное большинство в местных законодательных органах.

Активизация гражданских движений имела двоякое значение для политической культуры и политического сознания в Японии. Во-первых, как отмечает М. Мак-Кин, наиболее подробно исследовавшая этот феномен, "гражданские движения расширили круг политически активных граждан, мобилизуя "изоляционистов", которые не обращали до сих пор большого внимания на политику, и превращая их во временных политических активистов. Опыт активной деятельности "изоляционистов" становился еще более существенным фактором, заставлявшим их задумываться над политическими вопросами. Эмоционально этот опыт наиболее сильно расшатывал их политическое сознание, порождая недовольство существующим политическим истеблишментом" .

Во-вторых, гражданские движения создавали принципиально новую модель общественной поддержки оппозиционных партий. Большинство сторонников оппозиции в гражданских движениях не были сторонниками марксизма или каких-либо еще форм левой идеологии. Они поддерживали левые партии, несмотря на идеологические и философские разногласия с левыми, поскольку были убеждены, что СПЯ и КПЯ обратят внимание на их проблемы, тогда как ЛДП проигнорирует их¹² .

Таким образом, быстрые темпы экономического роста породили в японской политике модель, в которой неуклонно шло сокращение электоральной поддержки консерваторов и набирали силу оппозиционные партии. Вместе с тем, в отличие от периода конца 40-х — начала 50-х гг., оппозиция уже не могла рассчитывать на идеологическую привлекательность своей политической программы. Главными источниками ее социальной базы становились организованное рабочее движение, стремившееся к расширению своего политического представительства для более эффективной защиты экономических интересов членов профсоюзов, а также слабоидеологизированная группа гражданских движений, интересы которых ограничивались решением на-

раставших новых местных проблем, в первую очередь проблем экологии, не учитываемых в деятельности ЛДП.

Психология среднего слоя

Помимо отмеченных выше политических последствий эпохи высоких темпов экономического роста резкое повышение уровня благосостояния и сокращение разрыва в уровнях доходов вызвали к жизни и такой феномен, как осознание подавляющей частью японцев своей принадлежности к среднему слою. Ежегодный опрос канцелярии при премьер-министре Японии демонстрирует динамику этого явления (см. таблицу 5).

Таблица 5.

Динамика оценок социальной принадлежности (% от числа опрошенных)

год	высший слой	средний слой			низший слой
		верх	середина	низ	
1968	0,2	3,4	37,0	32,0	17,0
1960	0,4	3,9	40,8	31,5	13,8
1965	0,6	7,3	50,0	29,2	8,4
1970	0,6	7,8	56,8	24,9	6,6
1975	0,6	7,9	60,4	22,4	5,1
1960	0,6	7,4	54,4	27,5	6,7
1985	0,5	6,4	53,7	28,4	8,1
1990	0,7	8,2	53,1	27,7	7,2

Источник: Гэкан срон тёса, 1991, No 10, с. 26.

Таблица отражает резкий рост доли людей, считающих себя представителями среднего слоя в начале 60-х гг., т.е. на старте периода высоких темпов экономического роста. В дальнейшем этот показатель стабилизируется на очень высокой отметке, — около 90%. В конце 70-х — 80-е гг. отмечается его некоторое, правда, несущественное падение. Тем не менее разница в самооценках населения в 50-е и в 80-е гг. ощущается осязательной.

В связи с многочисленными дискуссиями вокруг понятия "средний слой" в Японии, необходимо подчеркнуть, что отмеченная самоидентификация отнюдь не ассоциируется ни с социально-классовой принадлежностью, ни с классовым самосознанием. Так, по опросу общественного мнения, проведенному Японским социологическим об-

шеством в 1975 г., со средним классом (а не слоем) себя идентифицировало 24,1% опрошенных, а с рабочим классом — 71,0%. При этом, однако, 90,8% людей, рассматривающих себя как "капиталисты", и 72,3% людей, причисляющих себя к рабочему классу, одновременно относили себя и к среднему слою. Соответственно по социально-классовой самоидентификации группа "верхнего слоя" состоит на 30% из "капиталистов", на 20% — из представителей "среднего класса", и на 50% — из "рабочего класса". Группа "среднего слоя" на 5,7% состоит из "капиталистов", лишь на 28,1% — из представителей "среднего класса", и на 66,2% — из "рабочего класса". Наконец, группа "нижнего слоя" состоит на 0,9% из "капиталистов", на 9,4% — из представителей "среднего класса", и на 89,7% — из "рабочего класса" .

Таким образом, понятие "среднего слоя" представляет собой не элемент социально-классовой структуры, а скорее определение статуса человека в современном японском обществе. Так, Т.Сакаяя отмечает, что "средний слой" означает самооценку принадлежности индивида к группе "таких, как все", а не объективное выделение категории по критериям владения имуществом, уровня доходов и т.д." . В первую очередь подобная самоидентификация определяется уровнем потребления. Неслучайно Н.Томита связывает ее с доступом к символам массового потребления — "трем божественным машинам" 60-х гг. (стиральная машина, пылесос, холодильник) и "трем Ка" 70-х гг. (цветной телевизор, автомобиль, кондиционер, — по-японски "кара тэрэби", ка , кура)

Значимым в данном случае представляется отнюдь не "средне-классовое" сознание японцев, на которое обычно обращают внимание исследователи, а именно самоидентификация подавляющей части рабочего класса со средними и высшими слоями общества. Данное обстоятельство означает, что японский рабочий класс перерос классическое понимание "пролетариата" не только по объективным параметрам, но и по своей социальной психологии. В своем большинстве он не отделяет себя от всего общества и не противопоставляет себя ему. И поскольку этот класс численно образует подавляющее большинство населения страны, именно его реакция на повышение уровня благосостояния к 70-м гг. стала основой общего психологического настроения японского общественного мнения. Реакция же эта, как правило, описывается терминами "консерватизм ради сохранения существующего положения" или "потребительский консерватизм".

Они были введены в оборот журналистом С.Ямагути . Под ними понимается сознание и модели поведения, исходящие из приоритета ценностных ориентации, направленных на сохранение высокого жизненного уровня, который был достигнут в период быстрого экономического роста. Такое сознание признает примат экономической эффективности и категорически не приемлет любые изменения современной политической системы, будь это сдвиг вправо или влево. Примечательно, что даже по оценке японских авторов левой ориентации "сознание потребительского консерватизма представляет собой не столько господствующее сознание промежуточных социальных слоев, как, например, самостоятельных предпринимателей, а охватывает большинство рабочего класса" .

В конкретных политических ориентирах эти настроения проявляются в парадоксальных на первый взгляд тенденциях. Несмотря на замедление темпов роста благосостояния, именно с 1974 г. опросы общественного мнения выявляют рост удовлетворения уровнем жизни. Одновременно несколько падает или по крайней мере не повышается ощущение роста жизненного уровня по сравнению с предшествующим годом.

Факторный анализ ряда показателей психологического настроения японского общественного мнения позволил Ё.Кобаяси выделить две основные оси, определяющие динамику этого явления. Первая ось определяется дихотомическим выбором между пессимистами-недовольными и оптимистами-довольными, вторая — выбором между устремлениями в будущее и ориентацией на решение текущих проблем. При этом психологический портрет сторонников ЛДП описывается как "установка на позитивное сохранение статус-кво при определенной удовлетворенности существующим уровнем жизни и стремлением избежать риска в ориентациях на будущее". С другой стороны, ведущая сила оппозиции — СПЯ — "опирается на недовольство существующим положением и аккумулирует требования недовольных о том, чтобы государство и общество оказали им содействие в решении проблем" .

Эволюция усредненных психологических установок в Японии в последние десятилетия явно неблагоприятна для левых сил. Если за исходную точку брать 1972 г. — последний год предшествовавший переходу к модели "стабильных темпов экономического роста", то она характеризуется в целом слабым уровнем критических и пессимистичных оценок при высокой устремленности к текущим проблемам.

Быми словами, последние годы высоких темпов экономического роста породили общественную ситуацию балансирования между не-
довольственной частью группы, устремленной в будущее, и всей группой, ориентированной на текущие проблемы.

В 1972-1974 гг., в годы кризиса модели высоких темпов экономического роста, были отмечены резкий взлет настроений неудовлетворенности и определенное усиление ориентации на текущие проблемы, т.е. наблюдалось укрепление социальной базы левых сил. Однако уже в 1974-1978 гг. отмечается резкое падение критических настроений и равновесие между устремлениями в будущее и ориентациями на текущие проблемы. Такая ситуация существовала без изменений в 1978-1983 гг. Таким образом, для этих лет характерным стало расширение группы, ориентированной в будущее, т.е. настроений "потребительского консерватизма".

В период 1983-1985 гг. происходит резкое увеличение доли довольных оптимистов. Неслучайно именно этот период совпадает с наибольшим укреплением позиций консерваторов на политической сцене. Наконец, в 1985-1988 гг. (исследование Кобаяси завершается 1988 г.) можно отметить существенный спад оптимистичных оценок, который однако не достигает точки недовольства, а также существенное преобладание ориентации на решение текущих проблем. Тем не менее позитивный показатель по шкале довольных-недовольных не позволяет говорить о конце 80-х гг. как о периоде политических преимуществ оппозиции⁹.

Отметим, что по уровню относительной удовлетворенности населения существующим положением Японии 80-х гг. занимала одно из первых мест в мире, опережая и США, и многие страны Западной Европы (см. таблицу 6). Несмотря на невысокий уровень полного удовлетворения (во многих странах этот показатель выше), общая благоприятная оценка итогов развития была чрезвычайно высокой именно в Японии, что объективно содействовало стабилизации положения ЛДП как правящей партии.

Наряду с этим, данные выводы отнюдь не говорят о чрезмерно консервативных приоритетах современных японцев. Проведенный И.Кабасима анализ самооценок политических позиций показывает, что средний японец тяготеет к центризму. Так, при 10-интервальной шкале политических убеждений от "крайнего либерализма" до "крайнего консерватизма" сторонники всех оттенков консерватизма (пози-

ции 5-10 по шкале) составляют 57,8% от всех респондентов, сторонники либерализма (позиции 1-5 по шкале) - 42,2%. Наиболее многочисленной оказывается срединная группа (объединение умеренных либералов и умеренных консерваторов (позиции 5-6 по шкале) — 41,1%

Таблица 6.
Международные сопоставления оценок общественным мнением административных, политических и экономических итогов правления в середине 80-х гг. (% от числа респондентов)

СТРАНА	ОТВЕТ		
	в целом довольны	система требует реформ	система неприемлема
Филиппины	57	34	8
Сингапур	56	30	2
ФРГ	43	54	3
Австралия	21	65	10
Канада	18	2	7
Великобритания	16	59	24
Бразилия	16	54	22
США	15	1	9
ЯПОНИЯ	10	84	4
Индия	9	48	41
Южная Корея	8	66	24
Италия	8	64	20
Франция	6	67	26

Примечание: Итоговая сумма меньше 100%, поскольку в таблице не отражена доля респондентов, отказавшихся отвечать или не давших определенного ответа.

Источник: Сэйто то дэмокуриси, с. 196.

Опросы, проводимые Обществом содействия справедливому выбору, позволяют относительно детально оценить распределение политических взглядов по шкале из 5 параметров лишь с 1989 г. (до этого в опросах фигурировали лишь 3 параметра — сторонники консерваторов, сторонники "обновления", т.е. оппозиции, и промежуточные взгляды). Соответствующие данные 1990 г. также показывают в качестве пика центристские настроения — 27,9%. К ним примыкают умеренные центристы (22,7%) и умеренные левые (15,2%). Крайние позиции занимают лишь 19,5% на консервативном фланге и 4,1% на левом. Исключения с высокой долей консервативных настроений составляют лишь лица старших возрастов (примерно от 50 лет), лица с минимальным образовательным уровнем и мелкие самостоятельные предприниматели.

Таким образом, однозначное доминирование консерваторов на политической сцене Японии отражало не явно выраженные идейные приоритеты большинства японского общества, а ситуацию партийной системы, не предлагавшей существующему общественному мнению адекватного выбора.

Политическое участие

Важнейшим элементом политической культуры является понятие политического участия, т.е. участия граждан в политической деятельности. В условиях послевоенной Японии центральным элементом этого явления становится участие в голосовании на выборах (см. таблицу 7). Саму по себе данную ситуацию нельзя считать исключительной. Данные широкомасштабного международного компаративного исследования С.Верба, Н.Ная и Ким Чжэ Она демонстрируют схожую картину во всех исследованных государствах

Таблица 7.

Доля граждан, принимающих участие в различных видах политической деятельности, (данные опроса 1987 г.)

тип политического участия		% участвующих
участие в голосовании. голосование на выборах в палату представителей		88,0 %
предвыборная деятельность. просьбы к друзьям проголосовать за соответствующего кандидата на местных выборах		27,6 %
просьбы к друзьям проголосовать за соответствующего кандидата на двойных выборах в палату представителей и советников 1966 г.		18,9 %
участие в предвыборном движении за последние 5 лет		21,7 %
участие в местных и гражданских движениях. участие в предвыборных и политических мероприятиях за последние 5 лет		33,7 %
участие в движениях граждан		15,1 %
деятельность в органах местного самоуправления для решения конкретных задач		18,9 %
встречи с местными влиятельными лицами при соответствующей необходимости		17,4 %
встречи с представителями местных органов власти и местными политиками		19,8 %
встречи с депутатами парламента при необходимости		9,8 %

Примечание: Классификация типов политической деятельности проведена по данным факторного анализа И.Кабасима.

Источник: И.Кабасима, Сэйдзи санка (Политическое участие), Токио, 1988, с. 80, 84.

Специфика политического участия в Японии скорее заключается не в его' распределении по типам участия, а в формах мобилизации граждан на соответствующую политическую деятельность. В исследовании этого феномена предложено две принципиальные модели: пер-

вая, предложенная американским автором Н. Икэ, получила условное название модели отношений "патрон-клиент", т.е. описанные выше отношения "оябун-кобун" . Позднее она была переработана в модель "инвестиционного голосования" . Вторая модель, разработанная японским автором М.Такабатакэ, получила название "модель мобили-

зации . Концепция Н.Икэ подразумевает, что избиратели отдают свои голоса в обмен на некие блага, получаемые индивидом или ограниченным местным сообществом. Концепция М.Такабатакэ делает упор на роль различных организаций в мобилизации граждан и на голосование за конкретных кандидатов и партии, а также на участие в предвыборной деятельности.

Следует отметить, что обе модели лишь частично объясняют политические реалии Японии. Так, Дз.Ватануки отмечает, что только 1% избирателей когда-либо получал конкретную помощь (например, содействие при приеме на работу или поступлении в престижное учебное заведение) от кандидата в депутаты. Не более 20% респондентов на опросах общественного мнения полагают, что существует кандидат, лично тесно связанный с их избирательным округом, и лишь 17% полагают, что кандидат оказал какие-либо услуги (такие, как выбивание финансирования строительства железных дорог или получение государственных субсидий) для местного сообщества. Более того, если сравнить фамилии кандидатов, которых респонденты называют в качестве представляющих местные интересы, и имена тех, за кого они голосовали, то голосование за представителей личных и местных интересов сократится до уровня 0,7% (оказали личные услуги), 8,8% (тесно связаны с округом) и 10,7% (оказали услуги региону). Как было видно из данных И.Кабасима (см. таблицу 3), лишь 9,8% респондентов имели опыт обращения с просьбами к депутатам парламента. "Другими словами, — отмечает Дз. Ватануки, — около половины избирателей, признающих наличие кандидата, оказывающего услуги индивиду или региону, не голосуют за него" .

Вместе с тем критика Дз.Ватануки отнюдь не опровергает выводы Н.Икэ в целом, а лишь ограничивает сферу их применимости. Дело в том, что такие авторы, как Дз.Ватануки, И.Кабасима, И.Миякэ, Т.Иногути в своих последних работах оперируют преимущественно общенациональными данными 70-80-х гг. Усредненные показатели игнорируют наличие двух подсистем политического сознания в современной Японии — деревенской и городской, а в силу статистического доми-

нирования населения высокоурбанизированных мегалополисов общенациональная статистика тяготеет к отражению точки зрения именно этой категории.

Диссертация американца Б.Ричардсона, написанная на материалах 60-х гг., демонстрирует явную справедливость модели Н.Икэ. В частности, Б.Ричардсон отмечает именно возрастание надежд на использование депутатов в конкретных интересах узкого региона, связывая эту тенденцию с переходом от авторитарной к более популистской и космополитичной модели политического поведения, что соот-

27

ветствует теоретическим постулатам К.Дойча. Особого внимания заслуживает выявленный Б.Ричардсоном механизм концентрирования внимания на местных проблемах — "проживание в ограниченных соседских сообществах и в мелких городах стимулирует многих японских избирателей к осознанию возможностей представительства интересов и к учету значимости местных проблем и путей, которыми они решаются". Соответственно, городской избиратель в Японии характеризуется как более близкий к состоянию общенациональной поли-

29

тики, а деревенский — к местной политической жизни. Справедливость этих выводов и для 70-80-х гг. подчеркивает феномен экс-премьера К.Танаки, вплоть до его смерти избиравшегося депутатом парламента от сельского округа префектуры Ниигата именно в силу принципа представительства местных интересов, несмотря на скандальную славу после "дела Локхид" и общенациональных требований

30

его отставки с поста депутата

Более сложен анализ мобилизационной модели. Особенность общественных отношений в Японии определяется традиционной тенденцией к образованию замкнутых кругов общения, что неоднократно отмечалось в культурологической литературе по Японии. В современном обществе эта тенденция реализуется в существовании огромного количества общественных организаций. Как показывают данные международного сопоставления С.Верба, Н.Ная и Ким Чжэ Она, в подобные организации в Японии вовлечена наиболее высокая доля населения (см. таблицу 8). Нельзя тут же не отметить, что, согласно этим данным вовлеченность японцев в политические организации представляется достаточно низкой по международным стандартам. В подавляющей своей части речь идет об участии в неполитических объединениях. С точки зрения мобилизационной модели, проблема за-

406

ключается в том, в какой мере неполитические организации являются агентами политической мобилизации. С.Фланнаган отмечает, что "в Японии индивид, вероятнее всего, участвует в деятельности хотя бы одной организации, которая имеет для него особое значение. Независимо от того, будет ли эта организация сообществом соседей, компанией, профсоюзом, религиозной группой или какой-либо иной, независимо от того, что политические проблемы могут редко обсуждаться или вообще не обсуждаться в организации, лояльность данной группе может стать препятствием для голосования за конкретного кандидата"

32

Таблица 8.

Членство населения в различных общественных организациях

СТРАНА	НЕ ЧЛЕНЫ КАКИХ-ЛИБО ОРГАНИЗАЦИЙ	ЧЛЕНЫ НЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ	ЧЛЕНЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
АВСТРИЯ	42 %	19 %	
ИНДИЯ	84 %	11 %	5 %
ЯПОНИЯ	28 %	59 %	13 %
НИДЕРЛАНДЫ	44 %	32 %	24 %
НИГЕРИЯ	45 %	23 %	33 %
ЮГОСЛАВИЯ	39 %	30 %	31 %

Источник: S. Verba, N.H. Nie, Jae-On Kim, *Participation and Political bqaahy: A Seven-Nation Comparison*, Cambridge (U.K.), 1978, p. 101.

Механизм политической мобилизации организаций достаточно прост. Если человек тесно связывает реализацию своих интересов с конкретной общественной группой или организацией, то, как правило, его не надо убеждать в правильности политической линии, конкретной деятельности предлагаемого кандидата. Ему необязательно знать даже партийную принадлежность кандидата. Требуется только информировать его, что данный кандидат — "наш человек", и чем выше лояльность индивида группе, тем более автоматическими становятся его электоральные предпочтения.

Конечно, необоснованно было бы распространять этот принцип на всех членов всех организаций. Во-первых, разные типы организаций политизированы в различной мере. Как видно из таблицы 9, наибольшей политизацией отличаются тесно связанные с политическими партиями профсоюзы. За ними следуют крестьянские организации, в значительной мере функционирующие на принципах традиционной по-

литической культуры и исторически поддерживающие ЛДП- Более низкий уровень прямой вовлеченности в процесс политической мобилизации организаций предпринимателей и религиозных групп объясняется тем, что в среде предпринимательства существуют как явно не-политизированные образования, так и ассоциации, образованные преимущественно как форма политической мобилизации среди соответствующей социальной группы. Разброс среди религиозных организаций объясняется тем, что только одна из них — Сока Гаккай — непосредственно вовлечена в политическую деятельность.

Таблица 9.

Вовлеченность различных организаций в процесс политической мобилизации (1986 г.)

	% ЧЛЕНОВ, ПОДДЕРЖИВАЮЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ	% ЧЛЕНОВ, ПОДДЕРЖИВАЮЩИХ КОНКРЕТНЫХ КАНДИДАТОВ	СОВПАДЕНИЕ ПОДДЕРЖКИ КАНДИДАТОВ И ГОЛОСОВАНИЯ
ПРОФСОЮЗЫ	74%	13,9%	44,6%
РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ	49%	2.3%	69,6%
ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ	48%	3/4%	50,0%
КРЕСТЬЯНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ	43%	5.9%	61.0%
ДВИЖЕНИЯ ГРАЖДАН	22%	0.8%	50,0%

1 Включая членов семей.

Источник: И.Мияко, Тохё кодо (Электоральное поведение), Токио, 1989, с. 52.

Второй аспект, требующий специального внимания, — неравномерность политического воздействия организации на своих членов. С. Фланнаган отмечает два фактора, усиливающих автоматизм политического выбора. Первый определяется активностью индивида в деятельности организации, второй — продолжительностью членства. Так, согласно предпочтениям группы голосуют 53-58% ее пассивных членов и 71-75% активных. По продолжительности членства эти показатели составляют 44-47% для лиц, недавно вступивших в организацию, и 66-78% для долголетних членов.

Параллельно с использованием мобилизационных возможностей организаций в Японии с 60-х гг. расширяется деятельность временных образований в поддержку конкретного кандидата, существующих в период избирательных кампаний — "коэнкай". Если в 1967 г. их членами было 6% респондентов общенациональных опросов "Общества

содействия справедливым выборам", то в год максимального пика этой

деятельности — 1979 г. — 20%, в 1986 г. — 18%. Эти формы работы на сегодняшний день используют все политические партии. Эффективность их оказывается даже выше, чем деятельность партийных организаций — лишь 1/3 их членов не голосует в итоге за "своего" кандидата. Наивысшая их эффективность проявляется в более традиционных районах и среди более традиционных групп — в средних и мелких

городах, среди крестьянства. В целом можно отметить, что эффект группового воздействия на голосование в большей мере подвержены менее образованные социальные слои с большей степенью восприимчивости к традиционным нормам политической культуры и с низким уровнем интереса к собственно политическим проблемам.

В этом смысле представляется интересным выделение С. Верба, Н. Наем и Ким Чжэ Оном четырех групп избирателей, общих для всех исследованных стран. В качестве критериев их выделения использованы понятия "уровня политической активности" и "уровня психологической вовлеченности в политику". В итоге предлагаемая классификация

представляется в виде	следующей матрицы:				
	уровень психологической вовлеченности в политику				
	высокий			низкий	
УРОВЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ	высокий	1.	ГРУППА СВЯЗАННОГО ВЫБОРА	1.	ГРУППА МОБИЛИЗОВАННЫХ
	низкий	3.	ГРУППА ВЫБОРА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ПРОПАГАНДЫ	4.	ГРУППА АПАТИЧНЫХ

Социальные характеристики соответствующих групп в Японии данные авторы описывают следующим образом: "Две группы являются кандидатами на наш тип мобилизованного избирателя. Сторонники Сока Гаккай и фермеры имеют низкий показатель по шкале уровня

социально-экономических ресурсов, но интенсивные институционализированные связи, особенно Сока Гаккай. "Белые воротнички" в рабочем классе, не объединенные в профсоюзы, самостоятельные предприниматели, лица свободных профессий и управленцы имеют довольно высокий показатель по шкале социально-экономического развития и низкий уровень институционализированных связей. Можно ожидать, что они попадают в группу выбора под воздействием пропаганды. "Синие воротнички", не объединенные в профсоюзы, имеют низкий показатель по шкале социально-экономического развития и низкий уровень институционализированных связей. Можно ожидать, что они относятся к "группе апатичных". Наконец, члены профсоюзов

имеют высокий показатель по шкале социально-экономического развития и высоко институционализированные организационные связи. Они попадают в "группу организационно обусловленного связанного выбора"

Несмотря на условность, данная классификация довольно точно отражает реальности системы политической мобилизации в Японии. Первая, вторая и четвертая группы попадают под действие либо модели отношений патрон-клиент, либо мобилизационной модели. При объяснении же политических реалий современной Японии проблема заключается в том, что наиболее многочисленной оказывается третья группа. В частности, регрессионный анализ, проведенный Дз. Ватануки по 29 факторам, описывающим и модель Н.Икэ, и модель М.Такабатакэ, демонстрирует, что вместе взятые они способны объяснить по-

ведение японского избирателя лишь на 30%. Наиболее сложным для интерпретации остается группа выбора под воздействием пропаганды, особенно электоральное поведение населения крупнейших городов.

Недовольство политиков

Характерным явлением политической культуры Японии последних десятилетий стало крайне сильное недовольство политикой и политическими деятелями. Точные данные, описывающие этот процесс, можно приводить с 1979 г., когда вопрос об удовлетворенности политикой стал включаться в опросы общественного мнения Общества содействию справедливых выборов (см. таблицу 10).

Таблица 10.

Степень недовольства политикой

год	ВСЕГО НЕДОВОЛЬНЫХ	В КРУПНЫХ ГОРОДАХ	ЛИЦА С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ	ПРОЯВЛЯЮЩИЕ ВЫСОКИЙ ИНТЕРЕС К ВЫБОРАМ
1979	71,5%	79,1%	81,3%	
1980	68,3%	73,2%	76,2%	
1983	64,0%	69,7%	72,9%	
1986	54,3%	59,5%	64,3%	57,8%
1989	77,1%	80,2%	84,9%	82,6%
1990	66,3%	73,8%	70,6%	74,0%

Источники: Акаруй сэнкё сокусин кёкай. Сюгун гиин сосэнкё-но дзиттай. Дай 35-39 кай; Сангун гиин цудзё сэнкё-но дзиттай. Дай 12-15 кай. Ёрон тёса кэка, гэсирё. (Общество содействия справедливым выборам. Ситуация вокруг всеобщих выборов в палату представите-

лей, 35-39 выборы. Ситуация вокруг выборов в палату советников, 12-15 выборы. Итоги опросов общественного мнения, исходные данные), Токио, 1980-1991.

Как видно из таблицы, 80-е гг. демонстрировали некоторое падение недовольства политикой, однако его средний уровень стабильно превышает 2/3, и даже в наиболее благоприятный год — 1986 — составлял позади 50%-ную отметку. Существенно, что наиболее явное недовольство проявляет политически наиболее образованная часть населения — жители крупнейших городов, лица с высшим образованием, люди, проявляющие повышенный интерес к политическим проблемам. Можно сказать, что в этих социальных группах существует почти абсолютное неприятие современных политических реалий страны. Существенным фактором является то, что недовольство политикой существенно превосходит недовольство уровнем жизни. Так, в наиболее критический для политиков 1989 г. (скандал Рикурито, в той или иной мере задевший все партии) средний показатель недовольных уровнем жизни составлял лишь 29,5% от общего числа респондентов (недовольных политикой — 77,1%; разница в показателях — 47,6 процентных пункта). Для наиболее неудовлетворенных социальных групп этот разрыв оказывается еще большим: для жителей крупнейших городов — 49,5 процентных пункта, для лиц с высшим образованием — 57,6 процентных пункта, для людей с высоким интересом к политическим проблемам — 50,9 процентных пункта.

При том, что недовольство уровнем жизни — фактор, который без всякого сомнения усиливает общее недовольство политикой, в Японии ситуация принципиально иная: источники недовольства политикой расположены в основном за пределами социально-экономических Проблем. В первую очередь это — непрекращающиеся случаи скандалов в связи с коррупцией высших политических деятелей, берущей начало с 50-х гг. В последние годы к ним добавился и не внушающий избирателю доверия стиль политической деятельности ДДП, принимающей крупные политические решения вопреки данным ранее обещаниям избирателям.

В массовых оценках политиков преобладают утверждения, что это — "бесполезные люди", "люди, решающие прежде всего свои собственные проблемы". Соответственно, политические деятели пользуются поразительно низким уровнем доверия населения по сравнению с любым другим общественным институтом (см. таблицу 11).

Таблица 11.

Уровень доверия к различным общественным институтам

ИНСТИТУТ	ДОВЕРЯЕТ	ДОВЕРЯЕТ В НЕКОТОРОЙ СТЕПЕНИ	НЕ ОЧЕНЬ ДОВЕРЯЕТ	НЕ ДОВЕРЯЕТ
БАНКИ	52%	34%	7%	2%
ПРОГНОЗ ПОГОДЫ	18%	88%	12%	2%
ВРАЧИ	35%	48%	13%	3%
СУД	27%	45%	18%	3%
ПОЛИЦИЯ	27%	45%	18%	5%
УЧИТЕЛЯ	20%	44%	24%	6%
ПОЛИТИКИ	3%	19%	43%	28%

Источник: Т.Сасаки, Хосюка то сэйдзитэки ими кукаи: Нихон то Амэрика-о кангаэру (Разрыв между нарастанием консервативных настроений и политическим смыслом: раздумья о Японии и США), Токио, 1986, с. 36.

Низкий авторитет и недоверие к политической сфере вызвали в Японии 70-80-х гг. резкий рост настроений отказа от поддержки какой-либо партии. Если в 1960 г. доля людей, отвечавших на ежесекундных опросах телеграфного агентства Дзидзи цусин, что они не поддерживают никакую партию, в среднегодовом исчислении равнялась всего 8%, то в 1978 г. (в год пика показателя отказа от поддержки партий) она достигла 36%, и в дальнейшем стабильно превышала 30%. Уже в 1969 г. доля людей, не поддерживающих никакую партию, сравнялась с долей сторонников СПЯ (20%), а в июне 1973 г. превысила численность сторонников ведущей партии — ДДП. После некоторого восстановления популярности консерваторов в 70-80-е гг. число сторонников ЛДП и число респондентов, отказывающихся в поддержке какой-либо партии, приблизительно равны за исключением периода политического кризиса 1989-1990 г., когда слой никого не поддерживающих опять стал доминировать. Не менее примечательной стороной этого процесса стало и структурное изменение общей конфигурации политической поддержки основных политических сил в Японии. Если в 60-е гг. можно было говорить об однозначном доминировании ЛДП в политических приоритетах респондентов, то в 70-е гг. наметилось становление трех примерно равных сил — ЛДП, оппозиции в целом и слоя не поддерживающих никакую партию. В 80-е же годы можно отметить резкое падение влияния не только СПЯ, но и оппозиции в целом. В новой системе реально противостоят ценности сторонников ЛДП и слоя не поддерживающих никого, что подменяет проблему

политического выбора между партиями вопросом, голосовать или не голосовать вообще, так как общественное мнение, все дальше отходя от поддержки ЛДП, теряет доверие и к любым альтернативам.

Интересным представляется анализ социальных параметров слоя, отказывающегося в поддержке всем политическим партиям. В первую очередь это жители крупнейших мегалополисов (10 крупнейших городов — Токио, Иокогама, Осака, Киото, Нагоя, Саппоро, Фукуока, Китакюсю, Хиросима, Сэндай), где исследуемый слой по масштабам существенно превосходит долю сторонников ЛДП с начала 70-х гг. Несколько меньше данное явление распространено в других городах, но и там примерно с 1974 г. доля этого контингента примерно равна доле сторонников ЛДП. Во-вторых, очевидна связь между уровнем образования и тенденцией к отказу от поддержки политических партий. Наиболее высок уровень данного феномена среди респондентов с университетским образованием (с 1975 г. стабильно превосходит долю сторонников ЛДП); лишь несколько уступают в этом отношении лица с полным средним (12-летним образованием), но и в этой группе приоритеты отказа в поддержке выше, чем поддержка ЛДП. В профессиональном отношении здесь выделяется рабочий класс — как белые, так и синие воротнички. Во всех остальных профессиональных группах уровень поддержки ЛДП выше, но нарастание настроений отказа можно наблюдать практически в каждой группе. Наконец, чрезвычайно высок уровень отказа среди женщин. В возрастных когортах настроения отказа абсолютно доминируют с начала 70-х гг. среди 20- и 30-летних, в группе 40-летних эти настроения примерно равны поддержке ЛДП.

Фактически можно говорить, что с 70-х гг. всем политическим партиям отказывают в поддержке, во-первых, наиболее образованная и политически сознательная часть населения; во-вторых, группы с более низким уровнем политической активности, но достаточно большим вниманием к политическим процессам. На практике базу сторонников всех политических партий составляет менее образованный и политически сознательный контингент, в кругу которого преимущественно работают либо нормы традиционной политической культуры, либо мобилизационная модель.

Заявления об отказе в поддержке какой-либо политической партии в ходе опросов общественного мнения не обязательно означает абсолютный отказ избирателя голосовать на выборах за ту или иную

партию. Конечно, такое явление тоже имеет место, но оно не столь масштабно. Рост пассивного электората в большей своей части означает отказ от безусловной и твердой ассоциации избирателя с конкретной партией, слабый уровень эмоциональной связи с ней, а также значительную подвижность, изменчивость его выбора в зависимости от конкретной политической конъюнктуры, в первую очередь от характера освещения средствами массовой информации политической ситуации и хода предвыборной кампании.

Последнее явление с очевидностью стало преобладать в 70-90-е гг. Так, если на выборах 1958-1969 гг. доля избирателей, не принимавших участия в голосовании, стабильно превосходила процент лиц, заявлявших об отказе в поддержке какой-либо политической партии, то с 1972 г. уровень абсентеизма неизменно оказывается ниже уровня отчуждения от партий.

Колеблющийся избиратель

Феномен расширяющегося отказа от поддержки традиционных политических партий отнюдь не ограничивается Японией. В 70-е гг. с ним столкнулась Западная Европа, в начале 90-х — и США. Но в японских условиях этот общий феномен имеет определенную специфику.

В первую очередь следует отметить, что в Японии отторжение электоратом всех политических партий наиболее сильно. Исследование С.Верба, Н.Ная и Ким Чжэ Она на материале конца 60-х — начала 70-х гг. показывает, что доля членов и твердых сторонников японских политических партий (20%) несопоставимо ниже соответствующего показателя для США (38%) и ряда западноевропейских стран (Австрия — 61%, Нидерланды — 37%)⁴⁴. Истоки этого феномена заключаются в том, что большую часть респондентов, подтверждающих свою поддержку конкретной политической партии, следует отнести к категории слабых сторонников. Согласно данным, приводимым И.Миякэ (1976 г.), из всех сторонников партии лишь 17% можно отнести к категории устойчивой поддержки, тогда как 72% относятся к категории слабых сторонников и 11% оцениваются как "склоняющиеся к поддержке"⁴⁵. С целью проверки справедливости этих оценок для настоящего времени могут быть использованы данные опросов Общества содействия справедливым выборам, несмотря на существенные различия в методиках Общества и И.Миякэ (И.Миякэ использует детальную шкалу оценки ответов респондентов, тогда как Общество публикует

лишь ответ на прямой вопрос о степени поддержки партии). Но хотя приводимые количественные данные не могут считаться сопоставимыми, характер исследуемого феномена может быть оценен. Согласно данным опроса по итогам выборов в палату представителей 1990 г., к твердым сторонникам какой-либо партии себя относил лишь 34% всех респондентов, поддерживающих конкретную партию, тогда как 64% характеризовали свою поддержку как "не очень прочную", что подтверждает справедливость основных выводов И.Миякэ и для настоящего времени.

Следствием слабой ассоциации сторонников партии со своей партией можно считать и ситуацию, в которой один респондент оказывается сторонником сразу нескольких политических партий. Опросы общественного мнения, проводимые Японской радиокорпорацией в связи с парламентскими выборами, показывают, что на протяжении 70-80-х гг. доля лиц, поддерживающих сразу несколько партий, стабильно держится на уровне 25-27% от общего числа сторонников по-

литических партий⁴. При этом можно отметить и курьезные, правда не столь многочисленные, случаи поддержки одновременно крайних полюсов японской политической сцены — ЛДП и СПЯ, ЛДП и КПЯ.

Анализируя соотношение различных типов электорального поведения и поддержки политических партий, И.Миякэ выделяет четыре группы избирателей по критериям (1) политических знаний и (2) чувства связи с партией: активные сторонники; группа недоверия политическим партиям; доверяющий пассивный слой и беспартийная группа (см. схему).

Распределение японского электората			
		ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ	
		ВЫСОКИЕ	НИЗКИЕ
СВЯЗЬ С ПАРТИЕЙ	ВЫСОКАЯ	АКТИВНЫЕ СТОРОННИКИ 38%	ДОВЕРЯЮЩИЙ ПАССИВНЫЙ СЛОЙ 15% ¹
	НИЗКАЯ	ГРУППА НЕДОВЕРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ 25%	БЕСПАРТИЙНАЯ ГРУППА 22%

Источник: И.Миякэ, Сэйто сидзи-но бунсэки (Анализ поддержки политических партий), Токио, 1985, с. 73.

ЕСЛИ К двум названным критериям классификации добавить параметр "политического цинизма" (недоверия политическим институтам), то окажется, что это явление присуще только группе недоверия политическим партиям, тогда как для активных сторонников партий и беспартийной группы характерен низкий показатель по этому критерию.

С другой стороны, для группы недоверия политическим партиям и беспартийной группы характерен крайне низкий уровень ориентации на идеологические стереотипы .

Причинную последовательность феноменов отказа от поддержки политических партий, "политического цинизма" и освобождения от идеологических стереотипов следовало бы расположить в порядке "политический цинизм" - отказ от поддержки партий - освобождение от идеологических стереотипов. Факторный анализ И.Миякэ демонстрирует, что из всего спектра параметров, определяющих электоральное поведение, специфику группы стабильной поддержки партий определяет исключительно их отношение к этой партии. Даже индивидуальность кандидата, традиционно считавшаяся в Японии важнейшим фактором для успеха на выборах, в глазах этой группы прежде всего определяется позицией "своей" партии. С другой стороны, отличительной характеристикой группы отказа становится именно недовольство правительством и политическими институтами. В итоге факторы, устанавливающие степень связанности избирателя со "своей партией", определяют его электоральный выбор на 97% (в группе слабой поддержки — 87%). В случае факторного анализа по двум основаниям — связи с партией и критичности в отношении правительства, совокупность этих двух групп факторов снижает объяснимость электорального выбора твердых сторонников партий до 93% (сокращение на 4 процентных пункта) и повышает ее для группы слабых сторонников и не поддерживающих партии до 92% (повышение на 5 процентных пунктов)

Естественным продолжением тенденций отхода от поддержки политических партий и ослабления связи с партиями их сторонников стало явление голосования одного и того же избирателя на разных выборах за разные партии. Опросы общества содействия справедливым выборам показывают, что на протяжении 80-х гг. лишь 55,7% избирателей неизменно голосовали за одну и ту же партию . Более детальное исследование И.Миякэ выделяет 6 типов избирателей по критерию стабильности их голосования:

— стабильный избиратель (постоянно голосует за одну и ту же партию) — 52% электората;

— спорадически склоняющийся к абсентеизму (в целом голосует за одну партию, но иногда воздерживается от голосования) — 14% электората;

— избиратель, меняющий приоритеты (постоянно голосует за разные партии) — 12% электората;

— временный сторонник одной партии (как правило, не голосует, но если голосует, то за одну и ту же партию) — 11% электората;

— неопределенный перебежчик (может или не голосовать вообще или голосовать за разные партии) — 6% электората;

⁵¹ — постоянный абсентеист (не голосует вообще) — 5% электората

При более общих определениях мы получаем три класса — 1. стабильный избиратель (52%), 2. избиратель с частой сменой предпочтений (32%), 3. абсентеист (16%).

Данная картина не так проста, как может показаться с первого взгляда. Понятие избирателя с частыми сменами предпочтений отнюдь не совпадает с категорией лиц, отказывающихся поддерживать политические партии, несмотря на то, что доли и того, и другого класса среди всего электората практически совпадают.

В среднем на выборах 1976-1990 гг. 56,4% лиц, не поддерживающих политические партии, воздерживались от голосования. Напротив, среди сторонников консервативных партий 22,6% или не голосовало или голосовало за другие партии. Для центристских партий ПДС и Ко-мэйто этот показатель составляет 31,1%, а для левых — 23,2%. В этом ряду особенно выделяется 1990 г., когда за консерваторов не голосовало 35,9% их сторонников, за центристов — 63,1%, за левых — 38,4% ⁵².

Иными словами, спорадичным и конъюнктурным представляется голосование не только значительного слоя отказывающихся от поддержки партий, но и существенной части их сторонников, причем, в 90-е гг. нестабильность электорального выбора сторонников партий приобретает масштаб, сопоставимый по своему значению с появлением, слоя отказывающихся в 70-е гг. Вряд ли данный феномен может быть объяснен конъюнктурным политическим кризисом 1989-1990 гг. Во-первых, в момент выборов 1990 г. конкретный кризис в значительной мере был преодолен. Во-вторых, серия 1976-1990 гг. включает и выборы, совпавшие с другими скандалами — "делом Локхид", осуждением К.Танаки и другими, но столь резкого оттока сторонников партий в эти годы не наблюдалось. В-третьих, особо примечательна потеря голосов центристскими партиями, которые не потеряли своего имиджа в ходе собственно кризиса 1989-1990 г.

В данном случае речь, видимо, идет о том, что в 90-е гг. Япония вступает в качественно новую политическую эпоху, характеризующуюся более глубоким отчуждением избирателя от политических партий, недоверием не только к конкретным современным партиям, но и к партийной системе в целом. В значительной мере параметры этой эпохи можно увидеть через призму оценок общественным мнением желательного баланса между партиями.

Балансировка политических партий как модель электорального поведения

Начальный период идеологического конфликта между консерваторами и оппозицией в Японии демонстрировал вполне адекватные ему предпочтения электората: вопрос стоял о поддержке или тех или других. Наиболее ранние свидетельства такого выбора можно найти в данных опроса общественного мнения газеты "Асахи" от 14-15 февраля 1959 г. В той ситуации правление ЛДП поддерживало 46% респондентов, правление СПЯ — 32%, все остальные варианты, включая позиции "мне все равно" и "не знаю", разделяло лишь 17% опрошенных

. Диверсификация оппозиционных партий в 60-х гг. (появление ПДС, Комэйто, рост влияния КПЯ) изменило эту ситуацию незначительно: при том, что вместо одностороннего правления СПЯ приоритет стал отдаваться правительству оппозиционных партий в целом, идейный конфликт в обществе между сторонниками консерваторов (ЛДП) и оппозиции продолжал сохраняться. Так, опрос той же "Асахи" от 6-7 апреля 1973 г. демонстрирует аналогичное противостояние ЛДП и оппозиции — правление ЛДП поддерживало 46%, различные (до 7) варианты оппозиционной коалиции поддерживало 32% респондентов. Особенностью этапа конца 60-х — начала 70-х гг. можно считать лишь то, что среди вариантов коалиционного правительства выступала модель союза всех оппозиционных партий . Некоторое изменение акцентов начинает наблюдаться в 1974 г., когда идея коалиции всей оппозиции начинает уступать первенство варианту оппозиционной коалиции за исключением КПЯ (коалиция СПЯ-Комэйто-ПДС, известная в Японии под сокращенным названием Ся-Ко-Мин) . Можно сказать, что эти настроения в целом отражали структуру политических противоречий периода высоких темпов экономического роста при постепенном ослаблении влияния наиболее радикальной левой оппозиции.

Переломным для политических настроений можно считать 1976 г., когда экономическая ситуация нового этапа — "периода стабильных темпов экономического роста" и соответствующие ей политические тенденции вполне определились. Немаловажным политическим моментом с этого времени становится и фактор скандалов, связанных с коррупцией высших руководителей ЛДП. Для 1976 г. таким фактором стало "дело Локхид", но можно сказать, что с этого времени скандалы, подобные ему, в Японии не прекращались.

Опросы 1976 г. впервые выявили ситуацию, в которой относительное большинство японского общественного мнения стало высказываться против однопартийной системы власти ЛДП. Так, опрос "Асахи" от 9-10 марта 1976 г. показал лишь 38% сторонников власти ЛДП и 41%

сторонников принципиально новой администрации . Однако принципиально изменились при этом и представления о желательной новой администрации. Более подробный опрос "Асахи" от 4-5 октября 1976 г. выявил, что 70% сторонников новой администрации (45% всех респондентов) видят ее как коалицию ЛДП и оппозиции и лишь 14% респондентов высказываются за получение власти собственно оппозицией . В последующем можно выявить эпизоды, когда поддержка однопартийного правления ЛДП превосходила поддержку идеи новой администрации, но принципиально характерными чертами новой эпохи стали: 1. приблизительное равенство сторонников правления ЛДП и идеи обновления администрации, 2. абсолютное недоверие варианту чисто оппозиционной администрации, 3. склонность приоритетов к идее коалиции всех политических партий. В качестве особенности 90-х гг. по всем опросам общественного мнения можно выделить резкое падение популярности варианта однопартийной администрации ЛДП и полное доминирование идеи коалиции всех партий. Так, в частности, опрос газеты "Ёмиури" от марта 1990 г. продемонстрировал, что свыше 55% электората высказывается против варианта чисто консервативной администрации, но вариант перехода власти от ЛДП к оппозиции поддерживает лишь 7,9% респондентов. Наиболее популярным из всех возможных стал вариант коалиции ЛДП-СПЯ (35,1% респондентов)

Примечательно, что электорат оппозиционных партий голосует за них не столько ввиду предпочтения собственно оппозиции, а для выражения своего недовольства ЛДП. Так, на выборах 1990 г. 63% электората СПЯ проголосовало за эту партию именно потому, что им не нравится ЛДП, и лишь 30% высказали свое согласие с социалистичес-

кой платформой. Соответственно, 51% электората СПЯ в 1990 г. поддерживал идею коалиции консерваторов и оппозиции, и лишь 34% были сторонниками правления оппозиционных партий

В целом можно сказать, что с конца 70-х гг. в Японии сложилась ситуация, в которой ни одна партия не вызывает доверия избирателя. В условиях неадекватного общественным настроениям выбора избиратель делает ставку на меньшее из зол, но при этом сохраняется и даже возрастает его общее недоверие к существующим политическим институтам.

В итоге центральную роль в современном электоральном поведении среднего японского избирателя стал играть слой, названный И.Кабасима "буферным игроком". Специфика его поведения заключается в том, что эти люди "прочны нацелены на сохранение статус-кво, в котором они ощущают удовлетворение уровнем жизни, и полагают^Л что дестабилизация политической ситуации угрожает этому уровню"

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: G.Almond, S.Verba. The Civic Culture. N.Y., 1963.
2. К.Накамура, Сэйдзи бунка рон: сэйдзитэки косэй-но танкю (Политическая культура: поиск политического индивидуализма), Токио, 1976, с. 49-50.
3. S.J. Pharr. Losing Face: Status Politics in Japan. Berkeley a.o., 1990, p. 40.
4. Говоря о сохранении довоенного политического режима, автор отнюдь не утверждает, что первые послевоенные консервативные партии и более поздняя ЛДП стремились к восстановлению политической структуры японского тоталитаризма военного времени. Реальная ориентация консерваторов была на восстановление партийно-политической структуры 10-20-х гг. Можно отметить, что реставрационные усилия консерваторов не имели успеха в процессе послевоенных реформ, но заслуга в этом принадлежит в первую очередь американским оккупационным властям. Подробнее см. А.В. Загорский: Переход от тоталитаризма к демократии: Опыт Японии (Знакомьтесь — Япония, 1993, No 2).
5. См.: N.Nishihara, A Study of Social Attitudes of the Present-Day Japanese Youth. — Psychologia, Kyoto, 1964, No 7, pp. 192-198; B.Richardson, S.C. Flannagan. Politics in Japan. Boston, 1984, pp. 217-265.
6. Т.Fukutake. Japanese Rural Society, Ithaca, 1972, p. 22.
7. Подробнее об истории японской системы контроля за производством продовольствия см.: А.В. Загорский. Проблемы современной аграрной политики Японии. — Япония 1988: Ежегодник. М., 1989, с. 66-76.
8. Подобные данные публикуются и самим Статистическо-математическим институтом в нерегулярном периодическом издании "Национальный характер японцев" (Нихондзин-но кокуминсэй). Однако наиболее позднее издание (Нихондзин-но кокуминсэй 4. Токио, 1982) отражает лишь данные 4-го опроса 1968 г. Автор цитируемого издания Дз. Ватануки приводит более полную серию, полученную им непосредственно в Статистическо-математическом институте и пока еще не опубликованную в Японии.

9. Political Opposition and Local Politics in Japan. Ed. by K.Steiner, E.S. Krauss, S.C. Flannagan. Princeton (N.J.), 1980, p. 147.
10. Ibidem, p. 70.
11. M.A. McKean. Environmental Protest And Citizen Politics in Japan, Berkeley, Los Angeles, London, 1981, p. 177.
12. См.: Ibidem, p. 147.
13. Гэндай Нихон-но сихай кодзо (Структура господства в современной Японии) Токио, 1984, с. 285.
14. Т.Сакайя, Сакудзицу-но хэнкаку: Нихон-га кавару, сякай-га кавару (Изменения последних дней: Меняется Япония, меняется общество), Токио, 1987, с. 205-206.
15. Сэйто то дэмокураси (Партии и демократия), Токио, 1987, с. 197.
16. Асахи дзэнгару, Токио, 8.07.1983.
17. Гэндай Нихон-но сихай кодзо, с. 38.
18. Ё.Кобаяси, Гэндай Нихон-но сэнкё (Выборы в современной Японии). Токио 1991, с. 66-69.
19. Там же, график на с. 106.
20. J.Watanuki et al. Electoral Behavior in the 1983 Japanese Elections, Tokyo 1986 p 68.
21. Акаруй сэнкё сокусин кёкай (Общество содействия справедливым выборам). Сюгини гини сосэнкё-но дзиттай. Дай 39 кай. Ёрон тёса кёкка, гэнсирё (Ситуация вокруг всеобщих выборов в палату представителей, 39-е выборы. Итоги опроса общественного мнения, исходные данные). Токио, 1991, с. 354-365.
22. См.: S.Verba, N. H. Nie, Kim Jae-On. Participation and Political Equality: A Seven-Nation Comparison. Cambridge (U.K.), 1978, p. 58-59.
23. См.: N.Ike, Japanese Politics: Patron-Client Democracy, N.Y., 1972.
24. См.: N.Ike, A Theory of Japanese Democracy, Boulder (Co), 1978.
25. См.: М.Такабатакэ, Гэндай Нихон-но сэйто то сэнкё (Партии и выборы в современной Японии). Токио, 1980.
26. J.Watanuki et al, Op. cit, p. 3.
27. См.: B.M. Richardson, The Political Culture of Japan, Berkeley, Los Angeles, London, 1974, p. 60-61.
28. Ibidem, p. 125.
29. Ibidem, p. 151, 175.
30. Факт значимости ожиданий на представительство местных интересов в деревенских избирательных округах признает и Дз. Ватануки. — См. J. Watanuki et al, Op. cit., p. 3-5.
31. В качестве наиболее известных публикаций можно привести: T.Doi, The Anatomy of Dependence. Tokyo, 1973; T.S.Lebra, Japanese Patterns of Behavior, Honolulu, 1976; C.Nakane, Japanese Society, Berkeley, 1970.
32. S.C. Flannagan et al, The Japanese Voter, New Haven, London, 1991, p. 156.
33. Ibidem, pp. 181-182.
34. И.Миякэ, Тохёкёдо, с. 48.
35. J.Watanuki et al, Op. cit, p. 7.
36. S.Verba, N. H. Nie, Kim Jae-On, Participation and Political Equality: A Seven-Nation Comparison, Cambridge (U.K.), 1978, p. 170.
37. Уровень социально-экономических ресурсов — термин, введенный авторами цитируемой работы. Измеряется как совокупность статусных социальных и экономических параметров — уровня образования, доходов и т.д.

38. Ibidem, pp. 196-197.
39. J.Watamiki et al, Op. cit., p. 15.
40. Акаруй сэнкё сокусин кёкай (Общество содействия справедливым выборам). Сангин гин цудзё сэнкё-но дзиттай. Дай 15 кай. Ёрон тёса кэкка, гэнсирё (ситуация вокруг выборов в палату советников, 15-е выборы. Итоги опроса общественного мнения, исходные данные), Токио, 1989, с. 368, 370, 376, 380, 382, 388.
41. См.: Т.Сасаки, Хосюка то сёйдзитэки ими-но кука: Нихон то Амэрика-о кан-гаэру (Разрыв между нарастанием консервативных настроений и политическим смыслом: Раздумья о Японии и США). Токио, 1986, с. 80.
42. Д.Масуми, Гэндай сёйдзи: 1955 нэн иго (Современная политика после 1955 г.), Токио, т. 2, с. 633, Ё.Кобаяси, Ук.соч., с. 52.
43. См.; Ё.Кобаяси, Ук.соч., с. 54-59.
44. S.Verba, N. H. Nie, Kim Jae-On, Op.cit., p. 96.
45. S. C. Flannagan et al, The Japanese Voter, p. 231.
46. Акаруй сэнкё сокусин кёкай. Сюгин гин сосэнкё-но дзиттай. Дай 39 кай, с. 382.
47. Рассчитано по: К.Араи, Сэнкё — Дзёхо — Ёрон: Рюдо-сурутохё тайдо (Выборы — Информация — Общественное мнение: Подвижная позиция электората). Токио, 1988, с. 57.
48. См.: S. C. Flannagan et al, The Japanese Voter, pp. 239, 252.
49. И.Миякэ, "Сэйто сидзи наси"-но тохё кодо (Электоральное поведение "слоя, не поддерживающего политические партии). — Кобэ дайгакудзасси, Кобэ, 1990, т. 40, No 3 (декабрь), с. 569-570.
50. Акаруй сэнкё сокусин кёкай. Сюгин гин сосэнкё-но дзиттай. Дай 39 кай, с. 346.
51. J.Watamiki et al, Op.cit., p. 38 (данные за 1983 г.).
52. Рассчитано по: Ё.Кобаяси, Сэйкацу исики-га тохё кодо-о кимэру (Оценка уровня жизни определяет электоральное поведение). — Какусин, Токио, 1990, No 9, с. 22-23.
53. Асахи симбун ёрон тёса сицу (Секция опросов общественного мнения газеты "Асахи"). Минъи 40 нэн-но нагарэ (40 лет в трансформации народного мнения). Токио, 1986, т. 2, с. 48.
54. Там же, с. 105.
55. Там же, с. 113.
56. Там же, с. 119.
57. Там же, с. 121.
58. Т.Мацудзаки, 1990 нэн, Сякайто-но гиро (1990 год — поворотный пункт в истории С П Я). — Гэккан сякайто, 1990, No 5, с. 108.
59. Ё.Кобаяси, Дэта-ни миру 90 нэн сосэнкё-но бунсэки (Выборы 90-го года в шифрах). — Гэккан сякайто, 1990, No 5, с. 105.
60. И.Кабасима, "Кансёдзай" юкэнся-га хан-Дзимин-э" ("Буферный" избиратель отворачивается от Л Д П). — Asahi Journal, 1989, No 8, с. 18.

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА: ОТ ОБРЕТЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ К НОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Периодизация послевоенной истории политических партий

Несмотря на поражение во второй мировой войне и радикальные политические преобразования, проведенные американской оккупационной администрацией, партийную систему Японии, возникшую после сентября 1945 г. трудно считать явлением, абсолютно новым для политического опыта этой страны. Основными мерами политического характера, непосредственно касавшимися политических партий, стали (1) меморандум Штаба оккупационных войск "Об отмене ограничений на свободу политической, гражданской и религиозной деятельности" от 4 октября 1945 г., разрешивший деятельность всех политических сил в стране и приведший к освобождению 10 октября политзаключенных тоталитарного режима, (2) "Закон о профсоюзах" от 23 декабря 1945 г., стимулировавший образование профсоюзов, и (3) чистка в 1946-1951 гг. политиков, связанных с милитаристским режимом. В отличие от ряда азиатских стран, где в 40-х гг. также действовала американская администрация (Южная Корея, Филиппины), в Японии США не предпринимали специальных усилий по созданию политической элиты и связанных с ней политических партий, отражавших интересы американской политики и рекрутировавших руководство из политических эмигрантов. Стратегическая ставка была сделана на эндогенное развитие демократической системы и демократических ценностей.

Начало процесса становления послевоенных политических партий прослеживается еще до мер политической либерализации, с конца сентября 1945 г., и лидерство в нем явно занимали деятели довоенной генерации политиков. Организационно первой была оформлена Социалистическая партия (СПЯ — 2 ноября 1945 г.), созданная довоенными лидерами социалистического и рабочего движения, представлявшими три довоенные социал-демократические партии — Социалистическую массовую (Сяминто), Японскую рабоче-крестьянскую (Нитиро) и Ра-

боче-крестьянскую (Роното). 9 ноября создается Либеральная партия во главе с И.Хатояма и С.Ёсида, основу которой составила довоенная партия Сэйюкай, 16 ноября — Прогрессивная партия, созданная на базе довоенных партий Минсэйто и части Сэйюкай. 1 декабря на своем IV съезде была легализована Коммунистическая партия (КПЯ). 16 декабря создается Японская кооперативная партия. Как отмечает Т.Иясу, все партии, образованные в 1945 г. за исключением КПЯ, стремились к восстановлению довоенной парламентской системы, и в области партийного строительства и мобилизации электората рассчитывали на довоенную модель¹.

Хотя в первых послевоенных парламентских выборах принимали участие 267 партий (а зарегистрировано было 363), большая их часть не имела серьезного влияния. Деятельность 94% из них ограничивалась лишь одной префектурой, в качестве общенациональных рассматривалось лишь 13². Значимыми оказались лишь те, кто имел довоенное политическое наследие. О тесной связи послевоенных партий с их довоенными политическими предшественниками говорит тот факт, что на выборах 1946 г. 95% кандидатов Прогрессивной партии, 70% кандидатов Либеральной, 91% Кооперативной и 59% Социалистической партий подверглись чистке за сотрудничество с политическими институтами милитаристского режима.

Несмотря на однозначное преобладание консервативных настроений в японском электорате, возникшую партийную систему трудно считать стабильной. При том, что за консервативные партии (без учета мелких и независимых депутатов) в 1946 г. голосовало 46,3% участвовавших в выборах, в 1947 г. — 59,6%, в 1949 г. — 64,1%, в 1952 г. — 67,7%, в 1953 г. — 54,6%, и в 1955 г. — 63,2%⁴, структуры консервативных партий переживали постоянные преобразования. Практически каждый год эти партии преодолевали разнообразные расколы и реорганизации, личные амбиции лидеров препятствовали согласованию их действий. По сути весь период 1945-1955 гг. японская политика балансировала между выбором: или лидерство одной консервативной группировки или коалиция части консерваторов с левыми силами в лице СПЯ. Показательным в этом отношении стал период 1947-1949 гг., когда у власти в стране стояла коалиция СПЯ, демократической и кооперативной партий с сильным идейным доминированием социалистов. Критическая экономическая ситуация и непопулярная политика периода послевоенных реформ лишь усиливала нестабильность поли-

тической системы и правящей партии, открывала возможность укрепления влияния СПЯ, сдвигавшейся влево на основе популистских лозунгов.

В целом этап 1945-1955 гг., определяемый как период становления послевоенной политической системы, характеризуется чрезвычайно высоким уровнем нестабильности, персонифицированных амбиций среднего поколения политиков довоенной генерации, актуальной угрозой прихода к власти или, по крайней мере, решающего влияния на формирование политики со стороны левых сил, ориентированных на проведение реформ по социалистическому образцу. Уже частота внеочередных парламентских выборов (в среднем за период 1946-1955 гг. они проводились раз в 16 месяцев) отражала неустойчивость этой ситуации.

Объединение всех консервативных партий в единую Либерально-демократическую после парламентских выборов 1955 г. и несколько более раннее воссоединение правой, левой СПЯ и левосоциалистической Рабоче-крестьянской партии создали принципиально новую партийную систему. В высших законодательных органах было представлено 3 общенациональные партии — ЛДП, СПЯ и КПЯ, но 2 депутата этой последней в палате представителей (0,4% депутатского корпуса палаты) и 2 депутата в палате советников (1,3% депутатского корпуса) превращали ее представительство в исключительно номинальное. Контроль ЛДП над парламентом в целом не вызывал никаких сомнений — 297 депутатов в палате представителей (63,6% депутатского корпуса) и 122 депутата в палате советников (48,8% депутатского корпуса). Помимо ЛДП, значимой парламентской партией оставалась лишь СПЯ — 158 депутатов в палате представителей (33,8% депутатского корпуса) и 80 депутатов в палате советников (32% депутатского корпуса)⁵. Ни парламентский потенциал СПЯ, ни тенденции изменения ее массовой поддержки и голосования за нее в дальнейшем не оставляли ей никакого шанса на превращение в правящую.

Партийная система, образовавшаяся в результате объединения партий в 1955 г., получила название "системы 1955 г.". На практике она означала квазидвухпартийную систему, при которой лишь ЛДП имела возможность сохранять позиции правящей партии, а СПЯ оказалась обреченной на роль вечной, но влиятельной оппозиции. С легкой руки Р.Скалапино и Дз.Масуми она получила и второе название "полторапартийной системы"⁶.

Формально "полуторапартийная система" просуществовала недолго. В принципе этот механизм с достаточной очевидностью работал в период с 1955 г. до конца 60-х гг. Его разложение связано со становлением новых оппозиционных партий и расширением их массового влияния.

В 1960 г. от СПЯ отделяется ее социал-демократическое крыло и создает Партию демократического социализма. В 1964 г. религиозная организация Сока Гаккай трансформирует свое представительство в палате советников в партию Комэйто, впервые выступившую на общенациональных выборах в палату представителей в 1967 г. К концу 60-х гг. увеличивает свой парламентский потенциал и КПЯ, постепенно превращаясь в значимую оппозиционную силу. С появлением новых оппозиционных партий в 60-е гг. в Японии начинается процесс становления многопартийной системы за счет дробления оппозиции, на японском языке он обозначался термином "татока". Реальный эффект этого процесса отмечается с 1968-1969 гг., вскоре после появления Комэйто в палате представителей. На выборах в палату советников 1968 г. три растущие партии — КПЯ, ПДС и Комэйто получили уже 42% всех голосов, поданных за оппозицию по местным избирательным округам и 57% по общенациональному округу, завоевав 46% переизбравшихся мест всей оппозиции, и в итоге взяв под контроль 39% мандатов оппозиции в верхней палате⁷. На выборах в палату представителей 1969 г. эти же партии получили 54% всех голосов, поданных за оппозицию, и 51% депутатских мандатов оппозиции. В среднем в 1968-1992 гг. силы оппозиции, не принадлежащие к СПЯ, контролировали 55% голосов, поданных за оппозицию, и 48% ее депутатских мандатов.

Рост влияния новых оппозиционных партий означал прежде всего сокращение поддержки избирателями традиционных ведущих партий на японской политической сцене — ЛДП и СПЯ. К 70-м гг. эта тенденция породила два новых феномена в японской политической жизни — достижение примерного равенства сил ЛДП и совокупной оппозиции и нарастание центристских настроений внутри оппозиции. На выборах в палату советников силы оппозиции стабильно получали больше голосов, чем ЛДП, в местных избирательных округах на протяжении 1965-1983 гг., причем до 1977 г. доля голосовавших за оппозицию в этих округах превосходила 50% всех принимавших участие в выборах. Голосование по общенациональному избирательному округу на протяжении 1965-1986 гг. и на выборах в палату представителей в 1969-1983

гг. демонстрирует примерное равновесие сил ЛДП и оппозиции. В среднем в 1968-1992 гг. за ЛДП голосовало около 42% избирателей, пришедших на выборы, тогда как за оппозицию — 47%. По численности депутатского корпуса примерное равновесие сил ЛДП и оппозиции (при незначительном преимуществе ЛДП) в палате представителей наблюдается в 1976-1983 гг., а в палате советников — в 1974-1977 гг. В период 1968-1992 гг. ЛДП контролировала в среднем 53% депутатского корпуса, тогда как оппозиция — 43%.

В японском политическом словаре эта ситуация описывается термином "хакутю" (равновесие), имеющим значительно более широкий смысл, чем просто констатация примерного равенства сил правящей партии и оппозиции. Он включал в себя ожидания того, что тенденция к сокращению электоральной базы ЛДП и расширению влияния оппозиции в самом ближайшем будущем приведет к поражению консерваторов на выборах. Тем самым могла бы быть реализована первая стратегическая цель каждой оппозиционной партии. — переход власти от консерваторов к "прогрессивным силам". Но в условиях раздробленности оппозиции простое поражение ЛДП на выборах еще не обеспечивало реализацию этой стратегической цели. Противостоять ЛДП была способна лишь объединенная оппозиция. Соответственно возникла задача консолидации оппозиционных партий, создания коалиции сил, противостоящих консерваторам. Отсюда делался вывод о приходе "эпохи коалиций" в японской политике.

О параллельном процессе нарастания центристских настроений в среде оппозиции свидетельствуют следующие данные. Если до 1965-1967 гг. центристские партии ПДС и Комэйто имели поддержку лишь незначительной части даже в среде оппозиционно настроенного электората, то на выборах в палату советников 1965 г. по общенациональному избирательному округу⁹ они получили уже 51% всех голосов оппозиции, а на выборах в палату представителей 1969 гг. — 54%. Центристские партии стабильно получают больше голосов, чем левая оппозиция (СПЯ и КПЯ) на протяжении всего периода 1969-1992 гг. за редкими исключениями, какими явились выборы в палату советников 1989 г. и в палату представителей 1990 г. В среднем за этот период они контролировали 55% электората оппозиции и 49% ее депутатских мандатов¹⁰.

Факт роста центристских настроений порождал новое противоречие в политической жизни. Несмотря на падение политических цен-

ностей левого спектра среди избирателей, ведущей партией оппозиции, значительно превосходившей центристские партии и по представительству в парламенте, и по массовому влиянию, оставалась СПЯ, где явно доминировала коалиция левых социал-демократов и марксистов. Без участия СПЯ объединение центристской оппозиции не имело смысла — сами по себе центристы не обладали потенциалом, достаточным для того, чтобы бросить вызов ЛДП. Вхождение же СПЯ в оппозиционный союз неизбежно делало ее лидером объединенной оппозиции. В итоге потенциальная коалиция неконсервативных сил приобретала бы левый уклон вопреки распространявшимся в обществе центристским настроениям и вряд ли имела бы шанс отстранить ЛДП от власти. Следовательно, борьба за изменение облика СПЯ приобретала ключевое значение для решения стратегической задачи "эпохи равновесия и коалиций".

В целом эта ситуация, так и не развившаяся до своего логического заключения, характерна для японской политической сцены в период с конца 60-х гг. до 1989 г.

Выборы в палату советников 1989 г. продемонстрировали глубокий кризис политической модели "хакую". Если до 1989 г. средний японский избиратель в основном не возражал против монополии ЛДП на государственную власть и голосованием за оппозицию выражал лишь стремление к некоторым коррекциям в политике консерваторов¹, то ситуация после 1989 г. сделала для него актуальной задачу отстранения ЛДП от власти.

Взрыв массового недовольства в 1989 г. определялся совокупностью ряда факторов: введением непопулярного 3%-ного потребитель-

¹²

ского налога, скандалом вокруг политической коррупции в связи с делом компании "Рикуруто Космос", в котором оказались замешаны практически все ведущие деятели ЛДП, а также перспективой либерализации японского рынка сельхозпродуктов, ударявшей по интересам крестьянства. На выборах 1989 г. ЛДП потерпела сокрушительное поражение, получив лишь 27% голосов по общенациональному и 45% голосов в местных избирательных округах и завоевав лишь 29% переизбравшихся депутатских мест (до этого наиболее низкими показателями ЛДП были 46% мандатов палаты советников на выборах 1974 г. в разгар скандала, связанного с делом корпорации "Локхид"). С учетом не подлежавших переизбранию депутатов, получивших мандаты в 1986 г., консерваторы впервые в своей истории потеряли большинство

в палате представителей, даже несмотря на то, что выборы 1986 г. оказались наиболее выгодными для ЛДП за весь период 1960-х — 1980-х гг. — 58% всех переизбравшихся мандатов.

Масштабы скандала "Рикуруто", превзошедшие даже наиболее черную страницу послевоенной политической истории Японии, — дело "Локхид", — поставили на повестку дня проблему политической реформы, в первую очередь более жесткого регулирования поступлений финансовых средств в партийные фонды и отдельным политикам. Вновь образованный кабинет Т. Кайфу, включавший лишь "чистых" политиков, ставил эту задачу в качестве наиболее приоритетной, рассчитывая таким образом восстановить подорванный престиж консерваторов. Однако усилиями депутатов от ведущих фракций ЛДП подготовленный проект оказался похороненным в недрах парламентского комитета, что вызвало отставку Т. Кайфу осенью 1991 г. Пришедший ему на смену кабинет К. Миядзава не только вновь ввел в крути правительства лиц, причастных к делу "Рикуруто", но и впервые открыл дорогу для политиков, осужденных судом по старому делу "Локхид", что было однозначно расценено в стране как политическая амнистия коррупционеров.

Тем временем новые скандалы, связанные с незаконным получением и использованием финансовых средств парламентариями от ЛДП, в том числе и лидерами партии, беспрестанно возникали и разрастались с 1990 г. Дело компании "Кёва" давало основания подозревать, что в избрании К. Миядзава председателем ЛДП сыграли свою роль взятки, полученные его окружением от этой корпорации. По делу компании "Сагава кюбин" был арестован лидер крупнейшей фракции ЛДП, фактически закулисный руководитель всей партии С. Канэмару, признавший незаконное получение денежных средств. То же дело поставило вопрос о причастности организованных преступных группировок к избранию Н. Такэсита премьер-министром в 1988 г.

Тема политической реформы вновь возникла в качестве сверхприоритетной для японской внутренней политики. Однако стремление ЛДП сместить ее акценты на проблематику реформы избирательной системы с тем, чтобы таким образом упрочить свои позиции в палате представителей привело к тому, что законопроект о политической реформе не был одобрен парламентом в 1993 г., кабинет К. Миядзава получил вотум недоверия и был вынужден назначить внеочередные вы-

боры в условиях катастрофического падения популярности и правительства, и ЛДП в целом.

Уже потеря ЛДП большинства в палате советников на выборах 1989 г., исключительность масштабов поражения свидетельствовали о том, что поведение избирателей стало выходить за рамки модели "наказания консерваторов при сохранении их у власти". На последующих выборах 1990-1993 гг. перспектива очередного, хотя не всегда столь крупномасштабного, поражения правящей партии неизменно оставалась актуальной в отличие от всего опыта ЛДП 50-х — 80-х гг. Прекращение монополии одной партии на государственную власть стал насущным политическим требованием.

Обратная сторона этой проблемы заключалась в неспособности оппозиции составить реальную конкуренцию консерваторам. При ограниченной электоральной базе центристских партий потенциальная оппозиционная альтернатива во главе с СПЯ (с 1991 г. приняла название Социал-демократической партии, СДПЯ) имела очевидный крен в сторону левой идеологии, влияние которой постоянно падало в Японии на протяжении 60-80-х гг., а с крахом коммунистических режимов в Восточной Европе и СССР спад левых настроений в общественном мнении приобрел катастрофические для левых партий темпы.

Попытки Комэйто и ПДС заставить СДПЯ пересмотреть наиболее неприемлемые для центризма политические установки и создать коалицию на базе центристской идеологии, предпринимавшиеся в 1989-1991 гг., так и не увенчались успехом. Хотя СДПЯ смогла освободиться от марксистских влияний в своих программных документах, камнем преткновения стали разногласия в оценках текущей политической ситуации. В 1989 г. это были проблемы неприятия социалистами японо-американского договора безопасности и японских сил самообороны, требование полного пересмотра оборонной политики страны, а также непризнание Республики Корея (Южной Кореи), односторонняя ориентация на связи с КНДР. В 1990-1991 гг. на первое место вышли негативное отношение социалистов к операции "Буря в пустыне", осуществленной международной коалицией в Ираке, и требование отказа Японии от участия в миротворческих операциях ООН.

Переломным годом в коалиционной политике СДПЯ можно считать 1993 г., когда по итогам выборов в палату представителей она пошла на создание многопартийного правительства М.Хосокава, объединившего все партии, кроме ЛДП и КПЯ. Примечательно, что пер-

вое коалиционное объединение с участием СДПЯ — союз Партии возрождения (группировка Ц. Хата — И. Одзава, покинувшая ЛДП в мае 1993 г.), СДПЯ, Комэйто, Союз социал-демократов (ССД) и профцентра Рэнго — было создано уже в ходе предвыборной кампании. Но неустойчивость коалиционной политики именно СДПЯ ярко проявилась уже в начале 1994 г., когда группа депутатов парламента от левого крыла этой партии проголосовала против предложенного премьер-министром М. Хосокава законопроекта о политической реформе и способствовала его провалу в палате советников. Вопрос о допустимости коалиции с центристами и консерваторами остается сегодня крупнейшим предметом спора между двумя течениями в партии и грозит ее новым расколом.

Помимо разногласий внутри оппозиции по вопросам оборонной политики, слабым местом всех оппозиционных партий оставалось отсутствие у них реалистичного видения экономической политики, паразитирование на популистских требованиях, часто сочетающее взаимоисключающие лозунги, например параллельное соединение крайнего для всей оппозиции принципа расширения социальной роли государства, значительного увеличения доли социальных программ в бюджете при одновременном снижении уровня налогообложения.

В условиях появления реальной возможности прихода оппозиции к власти попытки создать в 1989-1991 гг. альтернативную ЛДП коалицию наглядно продемонстрировали, что сложившиеся в период "хакутю" политические партии не могут претендовать на какую-либо роль, помимо представительства ограниченных корпоративных интересов и демонстрирования недовольства избирателя. Более того, в стране укрепилось убеждение, что и сами эти партии не стремятся претендовать на что-то большее.

Период 1989-1993 гг. отражает далеко не только кризис правления ЛДП. Он продемонстрировал несоответствие всех существующих политических партий новым условиям, возникшим с развалом модели "хакутю". Истоки этого кризиса, конечно, заключаются в неудовлетворенности избирателей монополизацией власти ЛДП. Заметим, однако, что эта монополия на власть была центральной предпосылкой и модели "полуторапартийной системы" 1955 г., и модели "хакутю". Японский вариант демократии в этих моделях подразумевал учет политических оценок избирателей не через смену правящих партий, что предписывает нормативная модель, а лишь через изменения парламентского

представительства оппозиции с последующей коррекцией линии неизменной правящей партии. Скандалы конца 80-х — начала 90-х гг. поставили под сомнение именно право монопольно доминирующей партии сохранять власть, и, соответственно, базовые посылки политического режима, сложившегося после 1955 г. В отличие от перехода от "полуторапартийной системы" к системе "хакутю", плавно проходившего в рамках единой специфической формы японской демократии, кризис 90-х гг. требует смены самой формы демократии, ее большего приближения к нормативной модели.

Однако 38-летнее существование японского типа демократии породило ряд тупиков на путях преодоления устаревшей системы. К этим тупикам можно отнести:

1. Специфическое политическое сознание руководства всех партий, реально не представляющих себе иной роли для своей партии. Оппозиция, привыкшая лишь к критике, не имеет необходимого четкого и реалистичного видения своих задач в качестве правительственной партии, как не имеет она и необходимых контактов и взаимопонимания с бюрократией и деловыми кругами. Сам факт вхождения в 1993 г. традиционной оппозиции в состав правящей коалиции мало изменил характер этого феномена: роль инициатора принятия политических решений и в настоящее время выполняют новые консервативные партии — Партия возрождения, Новая партия Японии и Инициатива создания новой партии.

2. Сложившаяся система политического участия и мобилизации избирателя имеет довольно жесткую структуру и оставляет мало возможностей для возникновения принципиально новых и при этом достаточно влиятельных политических образований. Она не допускает появления альтернативных сил, способных преобразовать политический режим в достаточно сжатые сроки.

Кризис японского типа демократии породил затяжной кризис партийно-политической системы, охватывающий целый период японской политической истории. Начавшись в 1989 г., он продолжается до настоящего времени.

Таким образом, с точки зрения развития партийной системы и политического режима, послевоенная история Японии может быть разделена на четыре основных периода:

1945-1955 гг. — период становления партийной системы и политического режима, преодоления послевоенной нестабильности;

1955-1967 гг. — период "полуторапартийной системы" 1955 г. с жесткой поляризацией политических сил между консерваторами, объединенными в ЛДП, и левыми силами, представленными практически единолично СПЯ, когда ЛДП полностью определяет процесс принятия политических решений в стране;

1967-1989 гг. — период "равновесия сил ЛДП и оппозиции", когда в политике доминирует модель "наказания ЛДП за ошибки путем голосования за оппозицию", не ставившая под сомнение само право ЛДП на монополию на власть. В среде оппозиции происходит существенное сокращение влияния левых сил и набирание политического веса центристскими партиями! Менее устойчивое доминирование ЛДП, с одной стороны, и снижение радикализма оппозиции, с другой, создают условия для учета правительством точки зрения оппозиции, достижения в отдельных случаях компромисса по принимаемым решениям.

Недолгий период, начавшийся в 1989 г. и продолжавшийся до выборов в палату представителей 1993 г., характеризовался загниванием ЛДП как монопольно правящей партии, нарастанием скандальной политической коррупции, резким падением доверия населения к правящей партии. Потеря абсолютного большинства в одной, а в потенциале и обеих палатах парламента лишает консерваторов возможности жесткой реализации своих политических планов, требует от ЛДП постоянного достижения компромиссов хотя бы с отдельными оппозиционными партиями, что в определенной мере делает процесс принятия политических решений заложником узких партийных интересов, беспринципной политической игры и закулисных сделок. Это кризис всех политических партий и политического режима в целом, выход из которого виден только в преобразовании самой генетической наследственности японской демократии. В этом смысле кризис 90-х гг. сопоставим с кризисом политического режима в результате поражения во второй мировой войне.

Выборы 1993 г., лишившие ЛДП большинства голосов и в нижней палате парламента, открывают новый переходный этап преодоления тупиков системы 1955 г. Впрочем, итоговые участники этого процесса еще не окончательно сформировались. Набор политических партий в сегодняшней Японии оценивается практически всеми обозревателями как промежуточный, обещающий подвергнуться существенным реорганизациям в ближайшее время.

Либерально-Демократическая партия: 38 лет монополии на власть

Либерально-Демократическая партия Японии (ЛДП) возникла на политической сцене страны как единая консервативная сила в 1955 г. в результате слияния всех несоциалистических партий. К этому времени потеряли актуальность основные факторы, определявшие противоборство консервативных политиков первого послевоенного десятилетия. Завершение реформ периода оккупации отодвинуло в сторону дебаты о послевоенном устройстве страны. Уход с политической арены ведущих политиков, соперничавших за лидерство в эти годы, — С. Ёсида, К. Сидэхара, Х. Асида, — значительно ослаблял фактор личностной конкуренции, во многом определявший модели политических союзов и консерваторов в эти годы. Допущение к политической деятельности наиболее авторитетного политика первых послевоенных месяцев, основателя Либеральной партии И. Хатояма, ставшего объектом политических чисток 1946 г. и возглавившего кабинет министров в 1954 г., отодвигало проблему конкуренции новой генерации лидеров консервативных сил на более поздний срок.

С другой стороны, как и в 1947-1948 гг., серьезную угрозу власти разобренных консервативных партий стала представлять набирающая силу СПЯ. Хотя после 1947 г. социалисты так и не смогли стать ведущей парламентской партией, в условиях падения доли избирателей, голосовавших за консервативные партии, альтернатива прихода к власти социал-либеральной коалиции не могла быть исключена. С объединением правой и левой СПЯ в единую партию в начале 1955 г. угроза консервативному правлению стала достаточно очевидной. Причем, в отличие от периода оккупации, консерваторам противостояла уже не преимущественно социал-демократическая по идеологии оппозиция, а быстро левеющая партия, попадавшая под доминирующее влияние марксистов и радикализировавшегося рабочего движения. Ее потенциальный приход к власти угрожал теперь пересмотром самих основ режима, созданного в этот период. Объединение консервативных Сил рассматривалось как единственное надежное препятствие трансформации сложившейся социально-политической системы.

Создание единой ЛДП стало этапным шагом на пути развития японской политической модели. Его значение представляется значительно более широким, чем просто переход к не столь долго просуществовавшей "полуторпартийной" системе 1955 г.

Становление единственной значимой консервативной партии принципиально по-иному поставило вопрос о характере политической конкуренции в стране. В предыдущей статье отмечалось, что поражение Японии в войне и послевоенные преобразования позволили актуализоваться двум типам политических субкультур — консервативной и модернизаторской, имевших собственные достаточно четко ограниченные социальные ниши. В первое послевоенное десятилетие конкуренция политических ценностей не отменяла элементарной конкуренции политических партий и деятелей на более прагматичной основе. Объединение же как консерваторов, так и социалистов полностью заменило чисто партийную конкуренцию конкуренцией политических ценностей. В новой модели, действовавшей далеко за пределами системы 1955 г., вариант поддержки прихода к власти оппозиции однозначно означал выбор приоритетов кардинального изменения существующей общественной системы. Стремление к сохранению принципиального статус-кво могло быть обеспечено исключительно при сохранении ЛДП у власти. Стандартная для нормативной модели демократии корректировка политики посредством смены правящей партии, формирование межпартийных коалиций оказались невозможными в ситуации принудительно идеологизированного выбора. Становление в обществе социальных групп, интересы которых преимущественно были бы связаны с определенными политическими течениями, социальная сегментация партийной политики оказывались возможными преимущественно в рамках достаточно редкого идейного признания или отрицания функционирующей системы. Оппозиция могла претендовать лишь на отражение ограниченных интересов узких социальных групп, тогда как правящая партия начинала выступать выразителем общенациональных интересов.

При отсутствии стимулов к кардинальной трансформации общественной системы такая модель автоматически обеспечивала безальтернативное сохранение у власти единственной партии, отождествляемой с сохранением статус-кво. Неудовлетворенность же деятельностью самой правящей партии без отрицания основ системы в этом случае могла выражаться или в полном отказе от голосования и поддержки политических партий или в сложившейся в 70-е гг. схеме голосования за оппозицию без намерений отстранить ЛДП от власти.

На мой взгляд, именно безальтернативность политического выбора, сложившаяся в рамках "системы 1955 г.", стала главной основой мо-

нополии ЛДП на бессменное пребывание у власти. Данное обстоятельство представляется более глубинным и стабильно действующим, чем традиционно выделяемый историографией фактор использования ЛДП механизмов традиционной политической культуры . Спора нет, оно безупречно доказывается демонстрируемой любыми опросами общественного мнения максимальной поддержкой ЛДП в социальной среде, наименее приобщенной к "современной" системе политических ценностей, — лицами с низким образовательным уровнем, старших возрастов, сельскими жителями и жителями мелких городов, работниками низкой квалификации, работниками мелких и средних предприятий, не объединенными в профсоюзы. Доказывается оно и высокой степенью обратной корреляции между голосованием за ЛДП и распространением "современных" ценностей в послевоенной Японии.

Тем не менее данная парадигма, доминирующая в интерпретации феномена ЛДП, неспособна достаточно удовлетворительно объяснить логику политического развития в стране в 1970-80-е гг. Усредненные за несколько лет данные ряда опросов общественного мнения демонстрируют тенденции, прямо противоположные следствиям, вытекающим из факта использования традиционных политических ценностей. Если в 1955-1975 гг. действительно наблюдается снижение доли сторонников ЛДП, параллельное процессу послевоенной модернизации, то с 1976 гг. наблюдается обратная картина (см. таблицу 1). Более того, по этим данным доля сторонников ЛДП увеличивается после 1975 г. в каждой социальной группе (см. таблицу 2) .

Таблица 1.

Динамика доли сторонников ЛДП по данным опросов общественного мнения (%)

годы	газета "Асахи"	агентство "Дэидзи"!)	Общество содействия справедливым выборам
1956-1959	45,6	...	...
1980-1983	46,0	37,8	
1964-1967	48,0	37,8	...
1968-1971	46,5	32,8	37
1972-1975	44,1	26,9	37
1976-1979	45,8	28,0	43
1980-1982	50,9	- III •	43
1983-1984	52,8	—	48
1965-1966	57,2	...	51

Примечание: 1) Использованный источник не дает данных после 1979 г., но по графику, основанному на тех же данных, представленному Ё. Кобаяси без численных по-

казателей, видно, что после 1974 г. поддержка ЛДП по опросам "Азидзи" стабильно расширяется, достигая к 1986 г. уровня 1970 г.(Ё. Кобаяси, Гэндай Нихон-но сэнкё (Выборы в современной Японии), Токио, 1991, с. 52).

Источники: G. L Curtis. *The Japanese Way of Politics*. N.Y.: Columbia University Press, 1988, p. 198; Сэнго Нихон-но сэйто то найкаку: Дзидзи ёрон тёса-ни ёру бунсэки, Дзидзи цусинся хэн (Послевоенные партии и кабинеты министров в Японии: анализ опросов общественного мнения "Дзидзи"), Токио, 1981, с. 141-145; И. Миякэ, Тохё кодо (Электоральное поведение), Токио, 1989, с. 62.

Таблица 2.

Динамика доли сторонников ЛДП в различных социальных группах (данные опросов газеты "Асахи", 1955-1985, %)

	1955	1965	1975	1980	1985
"голубые воротнички"	36	41	34	43	50
"белые воротнички"		56	48	54	66
промышленные рабочие	32	27	32	40	49
рабочие сферы торговли и услуг		40	38	45	54
предприниматели	59	61	59	62	66
крестьяне	52	64	62	70	72
другие	37	51	49	49	51

Источник: И. Миякэ, Тохё кодо, с. 88.

Представляется, что ситуация, возникшая в 70-е гг., более четко описана Р. Сиратори, выделяющего становление в этот период новой группы сторонников консерваторов. Он отмечает, что участники этой группы "отличаются от традиционных сторонников ЛДП тем, что они более обеспокоены будущим парламентской демократии в Японии, нежели будущим правления ЛДП; они подчеркивают значимость социальной справедливости и сохранения системы свободного предпринимательства, а не неограниченную защиту частных интересов." Известный японский политолог Дз. Камисима описывает эту ситуацию с другой стороны. Говоря об отходе к ЛДП колеблющихся избирателей, он отмечает: "Это были люди, которые в условиях ожидания перехода власти от консерваторов к оппозиции полагали, что с таким переходом пока не следует спешить, надо еще обдумать новые обстоятельства. Они не были сторонниками ЛДП, они лишь настороженно относились к перспективе перехода власти"¹⁶. В подобной ситуации сохранение монополии ЛДП на власть, и даже расширение ее поддержки во второй половине 70-х — 80-е гг. становится трудно объяснить в рамках

парадигмы использования традиционных ценностей. Скорее, можно говорить о том, что механизм такой парадигмы сегодня дополняет закономерности политических предпочтений в условиях отсутствия прагматического выбора.

Становление монополии ЛДП на государственную власть не полностью отменяло конкуренцию в этой области. Реально можно говорить о том, что механизмы этой конкуренции были перенесены из сферы межпартийного соперничества, достаточно легко контролируемого избирателем, в область внутрипартийных взаимоотношений. Важнейшим инструментом борьбы за распределение основных государственных постов становятся фракции внутри ЛДП.

В принципе фракционность политических партий — явление не новое для механизма политической борьбы. Существование соперничающих фракций отмечается и в довоенных партиях, и в ранних послевоенных образованиях. Их главная функция традиционно заключалась не в организационном оформлении сторонников определенных политико-идеологических течений, а в первую очередь в создании группировки для приведения к руководству партии определенного лидера. В ЛДП, однако, фракции приобрели значительно более широкое значение.

Их образование традиционно связывается с самим фактом объединения в единую партию различных консервативных группировок, а также с различным происхождением ведущих депутатов-консерваторов. Основу исходных фракций составили парламентарии от ведущих партий, вошедших в состав ЛДП — Либеральной (группировка С. Ёсида, разделившаяся в 1956 г. на фракции Х. Икэда и Э. Сато, а также фракция Б. Оно), Демократической (фракции И. Хатояма и Н. Киси), Прогрессивной (фракция И. Коно) и Народно-кооперативной (фракция Т. Мики). Второе деление консерваторов связано с долголетней политикой С. Ёсида по привлечению в свою партию выходцев из бюрократии, заменивших отстраненных политиков довоенной генерации. Объединенная партия оказалась разделенной на "бюрократические фракции" ("канрё ха" — исходные фракции Х. Икэда, Э. Сато и Н. Киси), традиционно занимавшие доминирующие позиции в ЛДП, и "фракции карьерных политиков" ("тодзин ха" — исходные фракции И. Хатояма, Т. Мики и И. Коно). Несмотря на изменение соотношения сил между фракциями, их структура оказалась на удивление постоянной, пережив лишь исчезновение крупных фракций И. Ха-

тояма в 1957 г. и Б. Оно — Н. Фунада в 1981 г., а также несколько расколов основных фракций, тем не менее сопровождавшихся, как правило, последующим развалом откалывающихся групп. В целом существующая сегодня структура фракций сохраняет четкие очертания своей первоначальной генеалогии (см. таблицу 3).

Примечательно, что за исключением И. Коно, С. Абэ и Т. Комото (все трое — лидеры фракций карьерных политиков) отмеченные деятели имели возможность сформировать свой кабинет министров¹⁷. С другой стороны, за всю историю ЛДП лишь два политика — С. Уно в 1989 г. и Т. Кайфу в 1989-1991 гг. — становились премьер-министрами, не будучи лидерами собственных фракций, исключительно в силу особой для партии ситуации скандалов в эти годы¹⁸.

Таблица 3.

Генеалогия основных фракций ЛДП				
Х. Икэда (1955-1984)	Э. Сато (1955-1972)	Н. Киси (1955-1980)	И. Коно (1955-1985)	Т. Мики (1955-1974)
М. Охира (1984-1980)	К. Танака (1972-1983)	Т. Фукуда (1980-1977)	Я. Накасоне (1985-1989)	
Дэ. Судзуки (1980-1982)	Н. Такэсита (1983-1989)	С. Абэ (1977-1991)		
	С. Канэмару (1989-1992)			
К. Миядзава (1982-)	К. Обути (1992-)	Х. Мицудзука (1991-)	М. Ватанабэ (1989-)	Т. Комою (1974-)

Примечания: 1) В верхней части таблицы выделены основатели исходных фракций, в нижней — их современные лидеры; 2) В настоящее время помимо этих фракций в ЛДП существует лишь группа М. Като (5 чл.), отколовшаяся в 1991 г. от фракции С. Абэ в результате борьбы за лидерство в последней между Х. Мицудзука и М. Като.

Основное назначение фракции в ЛДП, как и в целом в традиционной японской политической системе, — это обеспечение продвижения своего лидера на пост председателя партии, автоматически ведущего его к избранию премьер-министром. Поскольку решающую роль в этом процессе играют голоса депутатов парламента, именно депутаты, а не члены партии, образуют фракции. Однако в отличие от довоенного механизма, эта система берет на себя задачу и "выращивания" последующих поколений претендентов. Практически без лидерства во фракции политик не может претендовать на занятие высшей должности, но и фракция не создается на пустом месте. Правила игры

допускают или наследование лидерства при обязательном покровительстве прежнего главы фракции или ее раскол, возможный лишь в чрезвычайных обстоятельствах, например, в случае смерти главы фракции и отсутствия его очевидного преемника.

Уже это создает заинтересованность депутатов в принадлежности к фракции и политическому росту через повышение своего статуса внутри фракции. Есть и ряд других механизмов, укрепляющих фракционную лояльность. По существующим неписаным правилам претензии на пост премьер-министра должны быть подкреплены, помимо поддержки фракции, итогами политической карьеры: претендент должен быть неоднократно (не менее 8 раз) избран депутатом парламента, пройти через ряд ключевых министерских постов и должностей в партийной иерархии. Все эти должности распределяются по согласованию лидеров фракций пропорционально их влиянию. Без принадлежности к фракционным институтам ни один политик не может рассчитывать на свой карьерный рост.

Не менее важным фактором является содействие фракции избранию депутатов на выборах. При японской системе многомандатных избирательных округов, от которых зачастую избирается 3-4 депутата, почти в каждом из них выдвигается 2-3 кандидата от ЛДП, т.е. конкуренция за голоса избирателей идет не только между ЛДП и оппозицией, но и между самими консервативными депутатами. В этой системе межфракционные согласования обеспечивают наиболее рациональное распределение кандидатов между округами, устранение ситуаций, когда на одно гарантированное для ЛДП место претендовало бы два достаточно крупных политика.

Еще более важное значение имеет финансирование избирательной кампании. Расходы на нее в настоящее время составляют около 200 миллионов иен для молодых депутатов и около 150 миллионов — для достаточно известных деятелей²⁰. Основные финансовые средства партии аккумулируются и распределяются фракциями, и шансы быть избранным без поддержки влиятельной фракции остаются минимальными для начинающего политика.

Фракции образуют эффективный инструмент политической организации, взаимовыгодный и для их лидеров, и для членов. По своим атрибутам — самостоятельному членству, наличию руководящих органов, независимому распоряжению финансами, организацией электоральных кампаний, роли в процессе принятия политических решений

— они практически соответствуют определению партии. При этом парламентское представительство ведущих фракций превосходит численность депутатов от большинства отдельно взятых оппозиционных партий, а крупнейшая фракция в последние годы могла соперничать и с ведущей партией оппозиции.

Вся мировая японоведческая литература в этой связи однозначно рассматривает ЛДП как коалицию, конфедерацию или картель фракций, де факто выполняющих роль партий. К. Окано, например, отмечает, что в 1955 г. произошло "объединение", но не "слияние" консерваторов. При том, что в каждый конкретный период внутри ЛДП существуют межфракционные коалиции, известные как "основное" и "антиосновное" течения, смена кабинета министров означает, по своей сути, реорганизацию правящей коалиции. В этом смысле при неизменности правления ЛДП в Японии период 1955-1993 гг. можно рассматривать как смену коалиционных кабинетов под лидерством различных партий и в различном составе участников. В данном случае наблюдаются достаточно жесткие закономерности. Так, период 1957-1977 гг. отражает цикл смены руководящих фракций по цепочке Киси-Икэда-Сато-Мики со средним сроком пребывания у власти около трех лет. Лишь смена одной за другой администраций Э. Сато и К. Танаки, принадлежавших к одной фракции и в совокупности продержавшихся у власти около 10 лет, несколько нарушает стройность этого ряда. Второй аналогичный цикл выделяется в 1977-1991 гг. с добавлением к нему фракции Я. Накасонэ (исходная фракция Коно). Здесь видно аналогичное чередование фракций Фукуда (Киси), Охира-Судзуки (Икэда), Накасонэ (Коно), Такэсита (Сато) и кабинета Т. Кайфу, представлявшего фракцию Комото (Мики). Длительность существования кабинетов, возглавляемых одной и той же фракцией, также тяготеет к выделенному сроку в 3 года. Отклонения видны здесь в период правления Т. Фукуда (2 года) и Я. Накасонэ (5 лет). С 1991 г. — образования кабинета К. Миядзава (исходная фракция Икэда) — начался третий цикл, прерванный поражением ЛДП на выборах 1993 г.. Примечательно при этом, что неоспоримым преемником Кайфу в 1990-1991 гг. рассматривался С. Абэ (фракция Киси), и лишь смерть в 1991 г. не позволила ему занять этот пост. В течение 1991-1993 гг. естественным преемником Миядзава считался М. Ватанабэ (фракция Коно). Таким образом, внутри цикла сохранялся не только устойчивый принцип перехода власти от одной фракции к другой, но и сам порядок этого

чередования — Киси-Икэда-Коно-Сато-Мики — выглядел достаточно устойчивым, несмотря на ожесточенную внутрипартийную борьбу.

На протяжении 1955-1983 гг. основу внутрипартийной конкуренции фракций определяло то, что внутри ЛДП невозможно было выделить одну явно доминирующую фракцию. Хотя фракция Э. Сато традиционно является крупнейшей, разрыв между ее долей среди депутатов от ЛДП и долей следующей фракции не превосходил 5-6 процентных пунктов. В этих условиях лишь коалиция не менее трех фракций была способна привести к власти нового премьер-министра, а логика коалиционных компромиссов требовала периодической смены фракций, контролировавших высший партийный и государственный пост.

Эта ситуация начала меняться в период исключительно длительного для опыта ЛДП почти восьмилетнего правления Э. Сато (1964-1972). К 1967 г. ему удалось объединить в свою фракцию рекордное число депутатов — 25% депутатского корпуса ЛДП. Его преемник К. Танака к 1983 г. довел эту долю до 30%, и в течение десятилетия вплоть до раскола в 1992 г. фракция Танака-Такэсита сохраняла контроль почти над третьей консервативного депутатского корпуса. В связи с тем, что в 1983 г. К. Танака прекращает политическую деятельность, фактическими бенефициарами созданной им системы стали Н. Такэсита, а затем С. Канэмару.

Рост фракции Танака-Такэсита существенным образом изменял внутрипартийный расклад сил. Сотрудничество с ней даже одной фракции автоматически обеспечивало большинство голосов при избрании президента ЛДП. Противостоять влиянию фракции Н. Такэсита теоретически могло бы лишь объединение всех ведущих фракций ЛДП в новую коалицию. Однако амбиции лидеров фракций и разногласия внутри потенциальной коалиции неизменно оказывались сильнее.

Лидер ведущей фракции де факто становится вершителем судеб партии. Впервые этот феномен проявился в конце 1982 г. при избрании Я. Накасонэ председателем ЛДП при активной поддержке К. Танака. На протяжении 1982-1993 гг. все существовавшие в Японии кабинеты опирались на влияние фракции Такэсита. Отказ С. Канэмару от поддержки кабинета Т. Кайфу осенью 1991 г. определил падение последнего, несмотря на высокий уровень его общенациональной популярности.

В новой системе появилась и новая логика поведения крупнейшей фракции. Ее лидер редко вступает в непосредственную борьбу за высшие посты. За последнее десятилетие эту фракцию представлял лишь кабинет Н. Такэсита, просуществовавший всего два года, — срок мизерный по сравнению с десятилетним периодом правления этой же, тогда значительно более слабой фракции, в 1964-1974 гг. В течение 1989-1991 гг. крупнейшие фигуры фракции Такэсита (И. Одзава, К. Обути, Ц. Хата, Р. Хасимото) неизменно отказывались выдвигать свои кандидатуры, несмотря на настойчивые требования партийной элиты. В основном фракция переходит к роли закулисного балансира, практически неизменно (за исключением периода кабинета Н. Такэсита) контролирующего менее заметный, но чрезвычайно важный пост генерального секретаря ЛДП (Н. Такэсита, И. Одзава, Т. Ватануки, С. Кадзияма)²³.

В результате на монопольную структуру политической власти в Японии наложилась дополнительная квази-монополия фракции Такэсита в ЛДП. Сфера выработки политических решений стала еще более отдаленной от волеизъявления избирателей как ввиду долговременного отсутствия альтернативы ЛДП, так и по причине закулисного влияния ее ведущей фракции.

Период доминирования фракции Такэсита в ЛДП закончился в конце 1992 г. с ее расколом после ареста лидера фракции С. Канэмару. Около 40 сторонников группировки И. Одзава (бывший генеральный секретарь ЛДП) — Ц. Хата (министр финансов) вышли из фракции Такэсита, не согласившись с избранием ее лидером К. Обути. Среди сторонников Одзава-Хата оказались два из пяти министров (финансов и внешней торговли и промышленности) от фракции Такэсита, четыре из пяти заместителей министра. Потеряв группировку Одзава-Хата, фракция Такэсита перестала выделяться среди основных фракций ЛДП.

Итог ослабления влияния фракции Танака-Такэсита наглядно виден по итогам выборов в палату представителей 1993 г. В настоящее время крупнейшей фракцией ЛДП стала фракция Х. Мицудзуки (73 депутата), за ней следуют фракции К. Миядзава (68), М. Ватанабэ (66), К. Обути (бывшая Такэсита, 62), Т. Комото (27), группа М. Като (15). 16 депутатов остаются вне фракций²⁴.

Фракционная деятельность породила постоянно растущие потребности в увеличении финансовых средств, находящихся в распоряже-

нии не только партии в целом, но и лидеров фракций. К началу 80-х гг. только на цели поддержания и расширения фракции К. Танака ежегодно расходовал 1,2 — 1,3 миллиарда иен. Эти расходы включают ежегодные пособия каждому члену фракции (10 млн.), выплаты на избирательную кампанию молодых членов фракции (20-30 млн.), подарки депутатам, победившим на выборах (1-5 млн.) . На выборах 1986 г. каждая фракция выплачивала своим кандидатам 10-20 млн. иен²⁶.

Значительные суммы требуются при выборах председателя ЛДП. Помимо стандартных расходов, связанных с избирательной кампанией, фракции стремятся увеличить число своих сторонников среди рядовых членов партии, голосующих на выборах председателя партии. Как правило, именно фракции выплачивают партийные членские взносы за этих самых сторонников. О размерах затрачиваемых сумм можно судить по данным о выборах председателя ЛДП в 1987 г., когда три фракции, выдвигавшие своих кандидатов (Такэсита, Абэ и Миядзава) израсходовали по 2-3 млрд. иен каждая .

На протяжении 70-80-х гг. однозначно проявляется тенденция к росту финансовых средств как партии в целом, так и отдельных фракций. Если в 1976 г. ЛДП аккумулировала через различные политические фонды более 100 млрд. иен, то в 1988 г. — свыше 300 млрд. Сред-

ние темпы роста партийных средств составляли более 10% в год . Наряду с этим в 80-е гг. быстрыми темпами возрастает доля финансовых средств, набираемых непосредственно фракциями и отдельными политиками. Если за период 1976-1988 гг. фонды всех политических партий увеличились в 2 раза, с 43 млрд. иен до 84 млрд., то фонды фракций и отдельных политиков возросли в 4 раза, с 25 млрд. до 88 млрд, фонды

пяти ведущих фракций ЛДП — в 3 раза, — с 2,5 млрд. до 6 млрд. О масштабах средств, притекающих к отдельным политикам, позволяют судить данные таблицы 4.

Непрестанная погоня ЛДП, фракций, политических лидеров за денежными поступлениями породила бесконечные скандалы в связи с незаконным получением средств от корпораций, причем частота возникновения этих скандалов, вызывающих отставку кабинетов, быстро нарастает. Если между первым послевоенным скандалом (дело "Севадэнко"), приведшим к падению коалиционного кабинета Х. Асида в 1947 г., и следующим ("дело Локхид"), отправившим в отставку кабинет К. Танака в 1974 г., прошло 27 лет, то промежуток между "делом Лок-

Финансовые средства, собранные отдельными политиками ЛДП в 1987 г., млн. иен

Фамилия	Фракция	Сумма	Фамилия	Фракция	Сумма
М.Като	Абэ	430	Р.Хасимото	Такэсита	220
К.Мори	Абэ	370	Е.Коно	Миядзава	220
К.Фудзинами	Накасонэ	320	Х.Мицудзукэ	Абэ	150
Т.Кайфу	Комото	300	К.Като	Миядзава	150
К.Обути	Такэсита	230	Ц.Хата	Такэсита	100

Источник: М. Исикава, М. Хиросэ. Дзиминто: Теки сихай-но кодзо (ЛДП: Система долговременного господства). Токио, 1989, с. 193.

хид" и следующим скандалом (дело компании "Рикуруто"), закончившимся отставкой кабинета Н. Такэсита в 1989 г., миновало 15 лет. Между делом "Рикуруто" и делом компании "Сагава кюбин", лишь косвенно повлиявшим на судьбу кабинета К. Миядзава, но посадившим в тюрьму всесильного босса фракции Такэсита, заместителя председателя ЛДП С. Канэмару, истекло только 2 года. При этом начало 90-х гг. заполнено разоблачениями более мелкого "калибра".

"Дело Локхид" и скандалы 90-х гг. разделяют не только 15 лет, но и масштабы участия консервативных политиков. В "деле Локхид" фигурировала лишь одна звезда первой величины — сам К. Танака. В причастности к делу "Рикуруто" обвинялись, хотя и не предстали перед судом, лидеры почти всех крупнейших фракций — Н. Такэсита, Я. Накасонэ, М. Ватанабэ, С. Абэ, К. Миядзава. Пережив первый шок "дела Локхид", ЛДП довольно быстро смогла сформировать новый кабинет из ведущих политиков, никоим образом не причастных к скандалу. В 1989 г. требование сформировать "чистый кабинет" Т. Кайфу привело к исключению из него всех высших лидеров партии. Рождение же "ответственного кабинета" К. Миядзава в 1991 г. означало возвращение в правительство лиц, причастных к делам "Рикуруто" и "Локхид".

В конце концов, именно масштабы политической коррупции привели к падению кабинета К. Миядзава и потере ЛДП 38-летней монополии на власть, хотя непосредственной причиной его отставки стало поражение на внеочередных парламентских выборах, назначенных после вынесения парламентом вотума недоверия кабинету из-за неспособности провести политическую реформу. Успех вотума недоверия обеспечила фракция Ц. Хата, проголосовавшая вместе с оппози-

цией. Тем не менее, само появление проблемы политической реформы, как и раскол фракции Такэсита, тесно связаны с политической коррупцией.

Идея политической реформы возникла в 1989-1990 гг. как реакция на дело "Рикуруто" и имела целью "сжатие" размаха политической коррупции. Для японского избирателя "политическая реформа" — это в первую очередь борьба с коррупцией. В ходе апрельского (1993 г.) опроса общественного мнения газетой "Майнити" на вопрос "Что вы считаете наиболее необходимым в обсуждаемой сейчас политической реформе?" 53% респондентов назвали "укрепление политической системы в целях предотвращения политической коррупции", 23% — "регулирование деятельности политических фондов", и лишь 19% — реформу избирательной системы, на которой акцентируют основное внимание политические партии³⁰. В общественном мнении неспособность провести политическую реформу означает неспособность искоренить коррупцию.

Поражение ЛДП на выборах в июле 1993 г. стало критическим фактором, нарушившим правила политической игры, сложившиеся за 38 лет пребывания ЛДП у власти. Но кризис японской политической системы во многом преувеличенно драматизирован. Получив 223 (плюс 10 присоединившихся независимых депутатов) из 512 мест в палате представителей, ЛДП сохранилась как наиболее мощная политическая сила японского общества. Более того, в ходе выборов она даже не только не потеряла депутатских мест по сравнению с моментом роспуска нижней палаты, но даже приобрела одно дополнительное. Все ее потери — это потери депутатов, вышедших из партии и образовавших партию возрождения (группировка Хата — Одзава) и партию инициативы. Впрочем, не в первый раз ЛДП теряет и большинство в нижней палате. Подобный инцидент произошел и в 1983 г. после вынесения вердикта по делу К. Танака. Да и кабинеты Я. Накасонэ в 1983-1986 гг. были образованы в коалиции с Новым либеральным клубом³¹.

Политический кризис 1993 г. определяется тем, что в условиях крупномасштабных скандалов, связанных с политической коррупцией, ни одна новая консервативная партия не оказалась готовой к созданию идейно близкой консервативной коалиции. Неприятие общественным мнением итогов правления ЛДП выросло до таких масштабов, что временная, разношерстная и практически неработоспособная

коалиция всех партий, противостоящих ЛДП, стала более предпочтительной.

Если в 1974-1976 гг. после скандала "Локхид" Т. Мики удалось провести ряд реформ в партии, позволивших ЛДП восстановить свое лицо без утраты традиционного механизма функционирования партии³², то в 1991 г. аналогичные усилия Т. Кайфу были провалены большинством консервативной элиты ЛДП, и сменившему его К. Миядзава не удалось создать новый имидж партии. В итоге, лишь начав новый цикл смены у власти лидеров основных фракций, ЛДП была вынуждена вновь отказаться от фракционного механизма господства, избрав на пост председателя партии не лидера фракции, а "чистого" политика, основателя НЛК Е. Коно. При этом, не будучи премьер-министром, Ё. Коно не имеет столь широких возможностей по изменению облика ЛДП, какими обладали его предшественники в аналогичных ситуациях — Т. Мики и Т. Кайфу.

Кризис ЛДП, определяющийся потерей ею власти и нарушением стабильных правил внутрипартийной деятельности, ставит ее перед задачей кардинальной внутренней реформы. В партийной элите на подобную реформу ориентировано в первую очередь молодое поколение парламентариев. К лету 1993 г. внутри ЛДП выделялось уже 3 группировки, ставившие такие цели: "Лига парламентариев за ускорение политической реформы" во главе с Т. Кайфу (94 члена), "Общество создания возрожденной ЛДП" во главе с С. Ота и С. Атараси (34 члена) и "Общество нового поколения" во главе с Ф. Какуга (11 членов)³³. Проблема ЛДП, однако, заключается в том, что с выходом из нее лиц, образовавших партию возрождения и инициативы, реформаторы не имеют большинства в депутатском корпусе либерал-демократов. Если реформа партии не удастся, ей грозит еще один раскол — выход реформаторской группировки Т. Кайфу. В этом случае ЛДП как ведущая политическая сила Японии, видимо, перестанет существовать, и ее место займут новые консервативные образования.

Партии вечной оппозиции

Практически на всем протяжении послевоенной истории японская оппозиция существует как специфический феномен, в сущности, неизвестный политическим системам развитых индустриальных стран. Традиционная японская политическая оппозиция — это не столько реальная альтернатива правящей партии, и даже не столько

представительство интересов существенно значимого меньшинства японского электората, сколько воплощение замкнутого внутри себя идеологического комплекса, вещь *an sich*, используемая электоратом в основном для выражения своего отношения к правящей ЛДП. Будучи по своей сути чрезвычайно далекой от интересов основной массы избирателей, традиционная японская оппозиция не имела и не имеет никаких шансов самостоятельно прийти к власти.

Истоки этой ситуации лежат в периоде становления японских послевоенных политических партий и партийной системы (1945–1955). В предыдущей статье отмечалось становление Социалистической (СПЯ) и Коммунистической (КПЯ) партий как инновационной, модернизирующей силы японской политики в противовес охранительной, реставрационной направленности основных консервативных партий. Если в первые послевоенные годы этот разлад не препятствовал взаимодействию СПЯ с консервативными партиями и формированию коалиционных правительств в 1947–1948 гг., то после падения коалиционного кабинета Х. Асида в 1948 г. и последующего полевения СПЯ начинает складываться специфический комплекс оппозиционности, окончательно сформировавшийся к рождению "системы 1955 г."

Его базу составили две фундаментальные посылки: ориентация на социалистическое развитие (в различных интерпретациях понятия "социализм", но с неизменным приматом перераспределительной роли государства как минимум по скандинавской модели) и установка на нейтралитет в холодной войне, зачастую благожелательный к "антиимпериалистическому лагерю". Последний компонент опирался на "антивоенную аллергию" массового общественного сознания и во многом занимал первостепенное положение в пропаганде оппозиции.

При этом следует отметить, что социалистические идеи никогда не выглядели привлекательными для широкого общественного мнения Японии. Социалистическая оппозиция получила значительное влияние в стране именно потому, что после провала в 1947 г. активно выдвигавшейся левыми социалистами идеи национализации угольной промышленности, вопрос о социалистических экспериментах в экономике никогда не выходил в практическую плоскость, оставаясь уделом узких внутрипартийных дискуссий. Основу социальной поддержки оппозиции изначально формировали в первую очередь городские слои, не приемлющие консервативной ориентации ЛДП и ее предше-

ственников, а также организованное рабочее движение (общенациональные профсоюзные центры Сохё, Домэй, Тюрицу рорэн).

На практике социалистические идеи традиционной оппозиции оказались усеченными до видения этих партий в качестве политического представительства профсоюзов. С одной стороны, рождение внутренне глубоко интегрированных партийно-профсоюзных блоков обеспечивало двум социал-демократическим партиям — Социалистической (СПЯ) и Партии демократического социализма (ПДС) абсолютно гарантированный минимум голосов избирателей и парламентских мест, благодаря высокоэффективной мобилизующей силе профсоюзов, но, с другой стороны, все больше закрепляло за ними стереотип представительства исключительно организованного рабочего движения, подрывая их массовую общегражданскую базу.

Общим знаменателем эволюции традиционной оппозиции в 60–70-е гг. можно считать довольно парадоксальное сочетание разнородных факторов. Первое поверхностное впечатление заключается в том, что оппозиция в целом значительно увеличивает свой политический вес, собирая на выборах больше голосов, чем ЛДП, и приближаясь к ней по уровню парламентских мандатов, что в итоге породило ситуацию равновесия ЛДП и оппозиции. Вместе с тем резко сокращается общественная поддержка идей, провозглашаемых оппозицией, нарастает неприятие ее как потенциально правящей силы. К концу 60-х гг. явно определились локальные сегменты японского общества, в которых ведущие оппозиционные партии могли рассчитывать на безусловную поддержку. Для СПЯ и ПДС таким сегментом стало организованное рабочее движение, для созданной в 1967 г. необуддистской партии Комэйто — члены религиозной организации Сока гаккай, для КПЯ — специфический сегмент собственно членов партии и примыкающих к ней многочисленных организаций. Значительную же часть своего электорального потенциала оппозиция получала среди "колеблющихся избирателей", в "буферном слое", не разделяющих взгляды оппозиции, но голосующих за нее исключительно в целях выражения своего негативного отношения к ЛДП.

В этом смысле, несмотря на расширение парламентского представительства, для всех оппозиционных партий особую актуальность стала приобретать задача приспособления своей пропаганды к реальным запросам гражданского общества, которое можно было достичь

исключительно путем снижения радикализма идеологических требований к политическому курсу.

Наиболее сложной представляется эволюция взглядов и доктринальных установок СПЯ. Созданная в 1945 г. как конгломерат всех легальных довоенных социалистических течений от марксистов до "правых" социал-демократов, изначально она преимущественно ориентировалась на социал-демократические ценности. Однако с провалом коалиционного кабинета Т. Катаяма, обострением социальных противоречий в японском обществе конца 40-х гг. в СПЯ быстрыми темпами набирала влияние левая фракция. Этому процессу первоначально способствовала ориентация КПЯ на сотрудничество с оккупационными силами: отказ коммунистов поддержать всеобщую забастовку 1947 г. наряду с авторитарными методами руководства профсоюзами привели к возникновению в коммунистическом профобъединении Самбэцу кайги "движения за демократизацию", направленного на освобождение от влияния КПЯ. Переменившее ориентацию с КПЯ на СПЯ "движение за демократизацию" стало естественным союзником левых фракций в среде социалистов. Благодаря влиянию массовой базы профсоюзов, политическому авторитету лидеров левых фракций СПЯ и идейной роли концептуального центра левых социалистов-марксистов, — группы Х. Ямакава (позднее приняла название "Общество социализма")³⁴, левые группировки в СПЯ становятся ведущей силой в партии. После вступления лидеров левых профсоюзов в СПЯ пост генерального секретаря ЦИК партии впервые занял лидер левой фракции М. Судзуки, а в составе ЦИК представительство левых фракций³⁵ превысило долю правых .

С этого периода теоретики довоенной "Роноха" начинают определять партийную доктрину. Уже в дискуссии на 4-м съезде СПЯ (1949 г.) была определена основа стратегии партии, резко отличавшая ее от других партий Социалистического Интернационала. СПЯ отвергла трактовку социализма как экономической демократии и представления о том, что развитие демократии само по себе приближает социализм. В противовес этим взглядам была принята установка на мирное перерастание демократической революции в социалистическую и создание базы для завоевания власти рабочим классом. Отвергнуто было определение СПЯ как общенародной партии, ее характер был оценен как "классовая партия" с разъяснением, что под этим понимается "политическая партия, ядро которой образует рабочий класс"³⁶.

Первые попытки пересмотра социалистической доктрины СПЯ отмечаются уже в начале 60-х гг. по инициативе фракции "структурных реформ", выросшей как реформистское течение доминировавшей в партии левой фракции. Один из ведущих идеологов "структурных реформ" М. Кисима следующим образом определяет истоки левого реформизма в среде социалистов: "В настоящее время мы вступаем в период перехода от индустриального общества, уже продемонстрировавшего пределы своего роста и свои пороки, к следующей стадии общественного развития. В этих условиях политические силы должны четко показать свои представления о будущей общественной системе. В последнее время по мере приближения к власти партий, ориентирующихся на социализм, они стремятся избежать проблематики социалистического развития. Работают принципы политического реализма, стремление расширить народную поддержку посредством выдвижения "текущей политики в рамках капитализма", откладывания социалистической перспективы. В таких условиях партии социализма не могут завоевать истинную поддержку Р^{жк}У народа. Более того, идеи социализма этих партий в условиях реформистской практики, направленной на решение текущих проблем, оказываются неэффективными. Поэтому на этапе перехода общества в следующую стадию развития мы должны тесно увязать текущую политику реформ с желательным обликом будущего общества"³.

Основная идея структурных реформ была сформулирована ее авторами следующим образом: "Частичное преобразование производственных отношений на основе государственной экономической политики и рабочего контроля мыслится в форме демократического регулирования экономики, не затрагивающего отношений собственности, т.е. в виде ограничения прибыли, цен и объемов инвестиций, ограничения деятельности монополий на основе демократизации экономических институтов (введение рабочего контроля) и эффективного участия трудящихся в управлении предприятиями благодаря реформам менеджмента, а при определенных условиях — и в форме обобществления и национализации производства. Таким образом, "структурные реформы" означают постепенное устранение эксплуатации путем регулирования и частичных преобразований производственных отношений."

Лидеры фракции "структурных реформ" активно подчеркивали свою принадлежность именно к левому идейному течению. М. Кисима

прямо отмечает: "В то время мы не смогли перейти к реформизму, напротив, активно подчеркивали отличия наших взглядов от реформизма. Может быть в этом и была слабость фракции структурных реформ." "И в теории, и на практике мы пытались отойти как от старого догматизма, так и от реформизма"³⁹.

Идеологи структурных реформ шли, в сущности, по пути, избранному примерно в то же время лидерами Итальянской компартии и впоследствии приведшему к появлению "еврокоммунизма". Однако в японском варианте 60-х гг. эта попытка окончилась крахом. Правыми фракциями в СПЯ теория структурных реформ была воспринята как "тройной конь левых"⁴⁰. Лидеры левых фракций увидели в ней вызов своим доминирующим позициям в партии. В условиях доминирования в СПЯ левых фракций в начале 60-х гг. сформировалась новая структура фракционного идеологического противостояния в зависимости от поддержки или осуждения структурных реформ. Комбинация фракции К. Сасаки (он сменил М. Судзуки), контролировавшей большинство первичных партийных организаций, Общества социализма, обеспечившего теоретическое обоснование левой концепции на позициях ортодоксального марксизма, и радикального руководства профцентра Сохё, гарантировавшего левым профсоюзную поддержку, обеспечили итоговую победу левых сил, завершившуюся принятием в 1964 г. программного документа "Путь Японии к социализму", подготовленного Обществом социализма.

Победа марксистов в дискуссии о структурных реформах привела к существенному увеличению влияния Общества социализма внутри партии. К 70-м гг. марксисты были близки к почти полному контролю над СПЯ. Если на 36-съезде в 1973 г. они имели 80 делегатов (20% участников съезда), то на 37-м съезде (1974 г.) — более 100 (почти половина делегатов), на 38-м (1975 г.) — около 170, на 39-м (1976 г.) — около 180⁴¹. К началу 70-х гг. однозначно определилась тенденция к устойчивому нарастанию влияния марксистских сил в СПЯ, все больше расходившаяся с общей эволюцией общественной ситуации и политических настроений в стране, что и объясняет начавшийся в этот период спад популярности социалистов. Примечательно, что они начали терять поддержку даже в среде рабочего класса, который традиционно рассматривался как их базовая опора. Достаточно значимым влияние СПЯ осталось лишь в среде государственных служащих, тогда как

среди работников частных предприятий, даже объединенных в профсоюзы, популярность партии осязаемо снизилась.

Падение влияния партии не могло не вызывать поисков новых подходов, направленных на преодоление критической ситуации. Выражались они преимущественно в разработке альтернативных политических идей более реалистичной направленности, причем инициаторами становились в первую очередь выходцы из левых фракций. Постепенная трансформация большинства лидеров изначально левой фракции (фракции М. Судзуки при образовании СПЯ в 1945 г.) составляет примечательную особенность всей послевоенной истории партии. Собственно, организационных структур первых правых и даже центристских фракций в современной СПЯ уже не осталось. Фракция С. Нисио в полном составе вошла в Партию демократического социализма при расколе социалистов в 1960 г. За ними последовала часть сторонников тогда центристской фракции Дз. Каваками. В 1965 г. после смерти Дз. Каваками остатки бывших центристов прекратили самостоятельную деятельность, слившись с фракцией структурных реформ, возглавляемой С. Эда⁴². Современная структура идеологизированных фракций в СПЯ представляет собой продукт диверсификации и нарастания разногласий внутри левых объединений, входивших до начала 60-х гг. во фракцию Судзуки-Сасаки.

В 1961 г. происходит первое выделение новой правой фракции из фракции К. Сасаки — группировки структурных реформ во главе с С. Эда. В 1968 г. из фракции Сасаки выходит группа политиков во главе с К. Ямамото, близкая к С. Эда по своим идейным установкам. В 1971 г. происходит консолидация старой и новых правых фракций (Дз. Каваками, С. Эда и К. Ямамото) в единое образование "новая фракция Эда". В 1973 г. часть бывших сторонников К. Сасаки и независимые деятели СПЯ создают еще одну группировку правой ориентации — Общество нового течения (Атарасий нагарэ-но кай), а в 1980 г. группа молодых социалистов, стоявшая вне фракционной борьбы, создает очередное образование правой ориентации — Исследовательское общество нового образа жизни- (Синсэй кэнкюкай) во главе с Н. Баба.

В концептуальных взглядах правых фракций можно выделить ряд ключевых сфер. Первое направление касается переоценки представлений о социализме и социалистической революции. Не отвергая идеи социализма как таковой, теоретики этого течения категорически не приемлют политическую и экономическую модели, осуществлявшиеся

в "странах реального социализма". В развитии современного капитализма они видят самодвижение в направлении социализма как системы самоуправления. Для них не существует проблемы социалистической революции в марксистском понимании: речь должна идти не о завоевании власти для коренного преобразования общества, а о целенаправленном содействии позитивным тенденциям в его развитии. Приход СПЯ к власти означает для них не принципиально новую стадию развития японского общества, а более эффективный курс в рамках существующей системы. Фактически эти идеи доводят до логического конца первые попытки создания теории структурных реформ.

Из этих положений вытекают и новые представления о характере самой партии. По этим взглядам СПЯ не может себе позволить выступать как исключительно узкая партия рабочего класса. Реальных успехов она может добиться только на путях становления массовой общенародной партии, не связанной с ограниченными интересами одной социальной группировки.

Третье направление принципиальных новаций правых фракций — это выработка "новой реалистичной внешней политики". Под этим термином подразумевается отказ от изживших себя традиционных внешнеполитических установок СПЯ, не учитывающих реалий современного мира, таких, как требования отказа от японо-американского договора безопасности, расформирования японских сил самообороны, непризнание Республики Корея и односторонняя ориентация на КНДР в вопросах, затрагивающих ситуацию на Корейском полуострове.

Четвертая сфера новых идей касается тактики внутриполитической борьбы. В условиях доминирования в СПЯ левого течения партия традиционно ориентировалась на формирование коалиции всех оппозиционных партий, включая КПЯ. Правые фракции ориентировались на сотрудничество центристских сил и СПЯ. Не чужда им и идея "исторического примирения" СПЯ и ПДС, формирования единой социал-демократической партии на базе объединения СПЯ, ПДС, Союза со-

43

циал-демократов .

Долголетнее противостояние правых и левых фракций в СПЯ породило феномен, названный японскими исследователями "ответный удар слева" (саёку банэ). Суть феномена заключается в том, что все новации в партии порождались идеологами правых фракций на почве приспособления партийной доктрины к реальной действительности. С

точки зрения левых, все эти новации означали отход от ортодоксальной теории в сторону ревизионизма и соглашательства и требовали жесткого отпора. Концептуальную базу неприятия новаций реформистских идеологов формировало Общество социализма, а массовую поддержку левых взглядов обеспечивали профсоюзы. Периодичность повторения идейных новаций правых фракций и "ответных ударов слева" позволила Т. Хаяма выделить стабильный цикл динамики внутрипартийных отношений: он начинается дискуссией по выработке линии к очередным парламентским выборам, за ней следует компромиссное решение, отсекающее крайние установки как правых, так и левых, и временное прекращение партийной полемики. После очередного поражения на выборах начинается новая дискуссия, ведущая к обострению межфракционных отношений⁴⁴.

Такой цикл мог беспрерывно продолжаться только при условии сохранения левыми фракциями поддержки руководства профсоюзов. Однако в самих же профсоюзах в 60-80-е гг. происходили существенные изменения под влиянием общих изменений социальной обстановки в стране. В 1966 г. уходит в отставку с поста председателя Сохё один из основателей Общества социализма К. Ота. В 1988 г. настает очередь отставки второго профсоюзного лидера Общества и главного выразителя его идей до настоящего времени генерального секретаря Сохё А. Иван. На протяжении 1970-1976 гг. новое руководство Сохё уже не отражало точку зрения Общества социализма, хотя в целом сохраняло левую ориентацию.

Кардинальные изменения в системе СПЯ-Сохё происходят после 1976 г. с формированием команды М. Макиэда — М. Томидзуки в руководстве Сохё, занявшей позицию поддержки центристского течения в партии. Уже в 1976 г. новый генеральный секретарь Сохё М. Томидзука выступил со следующим программным заявлением: "Что мы будем делать, если в результате неизменной приверженности левым лозунгам Сохё постепенно будет терять своих сторонников, окончательно зайдет в тупик и не сможет держаться на ногах? У нас нет иного пути, кроме единства рабочего движения, которое разбавит виски Сохё водой Домэй."⁴⁵ Фактически новое руководство Сохё сделало ставку, во-первых, на ликвидацию марксистского влияния в СПЯ и, во-вторых, на объединение всего профсоюзного движения страны независимо от его идейно-партийной ориентации.

К решению первой проблемы руководство Сохё и правые фракции СПЯ приступили с 1977 г. На 40-м съезде партии они выступили с единой линией, требуя прекратить самостоятельную политическую деятельность марксистов и ограничить работу Общества социализма исключительно функциями теоретической группы, пересмотреть программный документ "Путь Японии к социализму", исходя из изменившейся общественной ситуации, в частности, диверсификации ценностных ориентации в стране, признать СПЯ партией единого фронта, объединяющей идейные течения от марксистов-ленинцев до гуманистов⁴⁶. Окончательный удар по позициям левых в СПЯ был нанесен на следующем, 41-м съезде СПЯ в сентябре-декабре 1977 г. Съезд обязал Общество социализма ограничить свою работу исключительно функциями теоретического центра и изменил порядок выборов делегатов на съезды, автоматически предоставив право решающего голоса депутатам парламента от СПЯ. Таким образом были существенно ограничены возможности Общества расширять свою базу на основе поддержки первичных партийных организаций и сокращено представительство этих организаций на съездах.

Последняя мера способствовала усилению позиций правых и центристских фракций на съездах партии. По итогам выборов в палату представителей 1976 г., на сторонников правых фракций приходилось 30,9% парламентского корпуса СПЯ, на центристские фракции — 39,8%, тогда как на левые — лишь 5,6%. В 1979 г. эти показатели составили 26,2% для правых, 42,0% для центристов и 6,5% для левых. Выборы в палату советников 1977 г. дали правым 37,1% парламентского корпуса СПЯ, центристам — 25,9%, а левые не получили ни одного депутата⁴⁷.

С решений 40-ого и 41-ого съездов СПЯ начинается пересмотр базовых концептуальных основ партии, получивший в советских и левых японских изданиях ярлык "поправления СПЯ". Итогом этого процесса стало принятие "Новой декларации", заменившей в 1986 г. "Путь Японии к социализму".

Новый документ определяет понятие социализма в духе промежуточных целей, выдвигавшихся теоретиками структурных реформ. В нем говорится: "Постепенное развитие реформ, направленных на освобождение человека, качественное преобразование общества — это и есть социализм. Это путь постоянного движения, постоянного развития, постоянных преобразований общества, берущий начало в ре-

лиях сегодняшнего дня." Декларация признает, что "в развитых индустриальных странах сформировалось и развилось общество всеобщего благосостояния, в котором государство берет на себя гарантии обеспечения минимума всеобщей занятости и жизнеобеспечения человека ... Вместе с тем, это общество не смогло в полной мере решить все экономические проблемы: жизненным условиям людей и обществу угрожают такие явления, как нарастание инфляции, крупномасштабная безработица"⁴⁹.

Одновременно "Новая декларация" впервые в истории СПЯ признала тупики модели "реального социализма": "В этих странах централизованное планирование экономики, слияние партии и государства вызвали трудности экономического роста, подавляется политическая и социальная демократия. Сущность этого "реального социализма" кардинальным образом отличается от модели социализма, к которой стремится СПЯ"⁵⁰.

В качестве пути решения проблем современного общества СПЯ так и не смогла отойти от традиционных социалистических рецептов. "Новая декларация" прямо утверждает, что, "сохраняя жизнеспособность рынка, для искоренения его недостатков необходимо введение социального регулирования, основанного на демократическом планировании экономики" >, Более поздний документ, подготовленный к выборам 1989 г., еще сильнее подчеркивает установку на социалистические методы вмешательства в экономику: "Мы утверждаем систему вмешательства профсоюзов в область менеджмента. Для обеспечения демократического развития необходимы вмешательство, участие и регулирование процесса принятия решений со стороны коллективного централизованного органа, объединяющего государственную администрацию и управляющих предприятий"⁵².

Данное положение нельзя признать результатом компромисса между различными фракциями. Подобный тезис регулярно присутствует и в документах Союза социал-демократов — группировки, отколовшейся от СПЯ в 1978 г., объединяющей наиболее активную часть фракции структурных реформ и по сути выражающей идейные основы всего спектра правых группировок в СПЯ. Программные документы ССД ориентированы на "укрепление общественных институтов, функции которых не могут быть выполнены рыночными механизмами, на макроэкономическое регулирование, планирование и социальное ограничение экономической деятельности для избавления от по-

роков стремления за получением максимальной прибыли и неуправляемости конкуренции"⁵³.

Существенно подорвала массовую базу левых фракций СПЯ административная реформа 80-х гг., в частности приватизация государственных железных дорог, вызвавшая раскол и потерю влияния профсоюза этой отрасли — Кокуро — ведущего массового объединения, находившегося под сильным влиянием левых социалистов. Новым ударом по позициям этой группировки стала реорганизация профсоюзного движения и создание профобъединения Рэнго в 1989-1990 гг. Рэнго возник как объединение основных японских профцентров, в первую очередь благодаря усилиям М. Макиэда — М. Томидзуки в руководстве Сохё и тенденциям к объединению рабочего движения в среде профсоюзов Домэй, находившегося под влиянием ПДС. Создание Рэнго не только усилило реформистские настроения в профсоюзной среде. В политической области руководство нового профцентра ясно выступило на стороне правых фракций СПЯ, а появление в парламенте депутатской группы Рэнго в результате выборов в палату советников 1989 г. значительно усилило политическое влияние профцентра, направленное на "историческое примирение всех социал-демократов страны". В качестве альтернативы Рэнго усилиями КПЯ и левых социалистов были созданы два альтернативных профцентра, которые, однако, не смогли стать заметной силой в рабочем движении. Во многом это объяснялось тем, что основные профсоюзы, на которые делали ставку коммунисты и левые социалисты — Профсоюз учителей (Никкёсо) и Профсоюз работников муниципальных органов (Дзитиро) в своем большинстве пошли за Рэнго.

Общее "поправление" СПЯ не смогло придать ей облик конструктивной партии. Существенные изменения проходили в основном в сфере партийной доктрины, малоизвестной и малоинтересной основному корпусу избирателей. Практическое устранение с политической арены марксистского крыла социалистов к 90-м гг. не ликвидировало противостояние правого и левого крыльев в партии. Левая группировка полностью потеряла воздействие на формальную доктрину партии, но сконцентрировала усилия на сохранении пацифистской внешнеполитической ориентации. Контролируя кадровый аппарат ЦИК СПЯ, левые смогли достаточно эффективно противостоять становлению курса "внешнеполитического реализма". Пацифистская ориентация СПЯ стала одним из препятствий формирования оппозиционной коа-

лиции в 1989 г., когда оппозиционные партии впервые в истории страны получили большинство в палате советников. В 1990-1992 гг. непреклонное противодействие СПЯ как любому участию и поддержке Японией усилий международной коалиции в войне в Персидском заливе, так и идее участия Японии в миротворческих операциях ООН закрепило за ней имидж безнадежно левой и неменяющейся партии, неспособной к выработке реалистичной политики. Именно с этим обстоятельством связан тот факт, что в условиях появления новой политической альтернативы в 1993 г. наибольшие потери понесла не ЛДП, находившаяся в центре политического скандала, а именно СПЯ, сократившая свое парламентское представительство в нижней палате со 134 до 70 мандатов и потерявшая сразу 9 процентных пунктов голосов избирателей (с 24,4% до 15,4%)⁵⁵. Примечательно, что, будучи крупнейшей партией новой правящей коалиции, СПЯ не смогла получить ни одного важного министерского поста.

Во многом сходную с СПЯ эволюцию прошла в 60-90-е гг. и Коммунистическая партия Японии. Избранный в 1949-1930 гг. под воздействием Коминформа ультралевая партия курс вооруженной борьбы надолго устранил эту партию с арены серьезной политической борьбы и дискредитировал ее в глазах избирателей. Восстановление доверия к КПЯ в последующие годы связано с победой в партии умеренной фракции К. Миямото в середине 60-х гг. и разработкой ее новыми теоретиками К. Уэда и Т. Фува принципиально иных стратегических концепций. Примечательно, что корни новой стратегии КПЯ, принятой с конца 60-х гг., видны в описанной выше дискуссии о структурных реформах, на начальном этапе которой в ней принимали участие и коммунисты. Более того, и К. Уэда, и Т. Фува в начале 60-х примыкали к течению структурных реформ.

Обнародование пересмотренной стратегической линии КПЯ было приурочено к предвыборной кампании 1969 г. Генеральный секретарь КПЯ К. Миямото впервые высказал идею сохранения многопартийной системы и системы представительной демократии в случае прихода КПЯ к власти. Аналогичные взгляды были повторены в статье Т. Фува "Перспективы независимой и демократической Японии"⁵⁶. С 1969 г. все теоретики и руководители партии подчеркивают, что в качестве правящей партии КПЯ будет уважать демократический выбор народа и откажется от власти в случае поражения на выборах.

В 1970 г. XI съезд КПЯ принимает в качестве официальной доктрины концепцию "народного парламентаризма", разработанную К. Уэда и Т. Фува⁵⁷. Она появилась на свет в результате сближения КПЯ с рядом западноевропейских партий еврокоммунистической ориентации и во многом заимствовала теоретические разработки итальянской компартии. Неслучайно в конце 70-х гг. все это течение в мировом коммунистическом движении было определено К. Миямото как "евро-ниппо-коммунизм".

Основные положения новой концепции КПЯ определяли отказ от следования опыту КПСС и социалистических преобразований в Восточной Европе, от установки на насильственную социалистическую революцию. Исходя из социальной структуры развитого индустриального общества, большинство в котором составляют наемные работники, КПЯ, как и другие еврокоммунистические партии, провозгласила единственную возможность победы социализма как результат победы компартии на парламентских выборах.

При этом, как и еврокоммунизм в целом, КПЯ исходит из того, что осуществление социалистической революции не является текущей задачей коммунистов, ей должен предшествовать этап демократической революции (фактически демократических реформ), постепенно перерастающих в социалистические преобразования. Аргументация этого взгляда КПЯ существенно отличается от еврокоммунистической логики. Она основана на разработанной К. Миямото в 60-е гг. концепции зависимого развития Японии. По этим взглядам, в Японии еще не существует самостоятельной капиталистической системы. Страна находится в полной зависимости от "американского империализма", и потому задачи национального освобождения на данном этапе выступают в качестве первоочередных.

В соответствии с поставленными задачами, КПЯ отказалась от термина "диктатура пролетариата", полагая, что под ним понимаются насильственные методы сохранения власти, и заменила его понятием "власть рабочего класса". Сохранив в своем арсенале представления об особой роли пролетариата, КПЯ исходит из того, что задачи предстоящих преобразований отвечают интересам практически всего населения страны за исключением узкой группы "крупнейших монополистов" и выдвигает тезис об общенародном характере своей деятельности.

Новая доктрина КПЯ, сохранив в целом свою левую ориентацию, означала демонстративный отказ от насильственных методов политической борьбы, что способствовало росту ее популярности. Именно в качестве нового центра умеренно левых сил компартия приобретает политическое влияние в первой половине 70-х гг. Однако социальная база этого центра значительно отличается от идеальных представлений руководства партии.

Формально КПЯ продолжает рассматривать себя как партию, в первую очередь отражающую интересы рабочего класса. Но реальное влияние коммунистов в рабочей среде невелико. Утратив в 1949-1950 гг. позиции в профсоюзах, КПЯ так и не смогла их восстановить. Так, по данным опроса SSM 1985 г., КПЯ занимала последнюю строчку по уровню поддержки рабочими политических партий. Ее сторонниками было лишь 4,2% "белых воротничков" — членов профсоюзов, 2,9% не членов профсоюза, и лишь 0,8% "голубых воротничков" — членов профсоюзов и 3,2% не членов профсоюзов⁵⁸.

Реальное укрепление электоральной базы КПЯ происходило благодаря совершенно иным слоям — населению крупнейших городов, недавним выходцам из деревни, пришедшим в город в результате резко возросшего спроса на рабочую силу в годы высоких темпов экономического роста. По социальным характеристикам это — работники мелких предприятий, мелкие торговцы, в определенной степени мелкие предприниматели, т.е. в целом слои с низким уровнем понимания текущих политических проблем. Их поддержка КПЯ объясняется не активной приверженностью концепциям партии (хотя элемент выбора левых политических установок в данном случае также присутствует), а целенаправленной работой КПЯ по мобилизации именно этого слоя электората, практически не включавшегося до середины 60-х гг. в целенаправленную политическую деятельность партий и не имевшего своего институционализованного политического представительства.

В итоге КПЯ 70-90-х гг. превратилась преимущественно в партию крупнейших городов. Из всех послевоенных депутатов палаты представителей около 69% было избрано от крупнейших городов — Токио, Иокогама, Осака, Киото, Нагоя, Саппоро, а также от трех округов префектур Тиба и Сайтама, фактически представляющими "спальные районы" Токио⁵⁹. Географически основная масса сторонников КПЯ сконцентрирована в крайне ограниченных наиболее индустриализованных регионах. Примерно треть электората КПЯ составляют жи-

тели всего трех префектур (Токио, Осака и Сайтама), половину электората — 7 префектур, 2/3 электората — 10 префектур из 47. В соответствии с этими параметрами С. Камидзё относит КПЯ не только к типу "урбанистических партий", но и к типу мелких партий по критерию географического распределения поддержки⁶⁰.

Завоевав поддержку существенной части электората крупнейших городов, КПЯ в 70-е гг. практически исчерпала резерв для расширения влияния. Доля ее избирателей стабилизировалась на уровне 10%, а в 80-90-е гг. даже начала снижаться, особенно после краха коммунистических режимов в Восточной Европе и СССР. По всей очевидности потенциал левых политических ориентации, не использованный СПЯ, уже полностью аккумулирован коммунистами, и пути упрочения своих позиций они видят в перераспределении существующей части левого электората.

Застойные тенденции проявились не только в электорате КПЯ, но и в деятельности партийных организаций. Безудержная погоня за расширением членства в партии породила проблему фиктивных и пассивных членов. Согласно секретному докладу дисциплинарной комиссии ЦК КПЯ 1980 г., до 19% членов партии относилось к категории не участвующих в партсобраниях и не платящих членских взносов; 64% причислялись к категории "не проявляющих интереса к работе по расширению партийных рядов". Лишь 3% членов партии по этой оценке имели успехи в партийной работе⁶¹.

В условиях кризиса партийного влияния КПЯ сделала ставку на две темы: перехват инициативы политического влияния в рабочем движении и ужесточение партийной дисциплины. Первое направление определилось уже в 1972 г. 9-й пленум ЦК КПЯ избрал курс на "превращение партии в решающую политическую силу на базе профсоюзного движения" и определил линию его "классового единства". В соответствии с этой линией, внутри поддерживавшего СПЯ Сохё в 1974 г. был создан Совет профсоюзов за создание единого фронта (Тоицу росокон). На рубеже 70-80-ых гг. КПЯ переходит к политике раскола профсоюзного движения и перераспределения электората левых сил. В 1979 г. пленум ЦК КПЯ принимает решение о создании нового профсоюзного центра и начинает резкую критику "поправления СПЯ и Сохё". XV съезд партии в 1980 г. ставит задачу расширения электоральной поддержки КПЯ до 20-30% и создания единого демократического фронта под руководством коммунистов. Ведущей силой этого

процесса по расчетам руководства КПЯ должно было стать реформированное на левых принципах профсоюзное движение⁶². В соответствии с партийными решениями в 1979-1980 гг., Тоицу росокон вступает в новую фазу своей деятельности, открыто ориентируясь на учреждение левого профцентра, альтернативного Сохё. В начале 1979 г. руководящий совет Тоицу росокон призвал к началу всеяпонской дискуссии "о положении в общенациональных профцентрах", ставшей организационной формой подготовки нового профобъединения под руководством КПЯ, а в декабре 1982 г. открыто заявил о своих претензиях на роль национального профцентра. Кульминацией этого процесса стал отход от Сохё, принявшего решение о вхождении в Рэнго, профцентра Дзэнрорэн, образованного из профсоюзов, ориентировавшихся на КПЯ.

Однако, как отмечает И. Мураока, процесс преобразований политической линии КПЯ проходил преимущественно по личной инициативе К. Миямото и не пользовался всесторонней поддержкой в центральных органах партии⁶³. С конца 70-х гг. в КПЯ четко определился глубокий политический кризис, вызванный неудачами на выборах 1976-1977 гг. С 1978 г. из терминологии лидеров партии практически исчезает понятие еврокоммунизма⁶⁴. С 1982 г. (16-й съезд КПЯ) обозначилось иное видение ситуации ведущей фигурой в партии — К. Миямото. Основная часть руководства партии во главе с ним самим выдвинула идею "укрепления авангардного характера партии", что означало в первую очередь укрепление и без того жесткой партийной дисциплины⁶⁵. С этого периода внутри КПЯ определяется противостояние двух фракций: ортодоксального крыла К. Миямото и реформаторского течения К. Уэда — Т. Фува. Расхождения наметились по широкому кругу проблем. Группировка Уэда-Фува выступала за отказ от "укрепления авангардного характера партии" и переход к модели "массовой авангардной партии с размытой структурой". Идея предполагала отказ от обязательной постоянной партийной работы, регулярного изучения работ лидеров партии и ее документов, принятие в КПЯ всех ее сторонников. При этом предполагалось создание над мягкой партийной структурой "организации профессионалов, имеющих высокую теоретическую подготовку" численностью в несколько десятков тысяч членов⁶⁶.

Второй областью разногласий стало отношение к СПЯ. В то время как группа К. Миямото с середины 80-х гг. стремилась обеспечить рост

электоральной поддержки путем раскола профсоюзного движения и привлечения на свою сторону электората СПЯ, К. Уэда настаивал на сохранении сотрудничества с СПЯ и осуждал создание таких органов, как коммунистический центр Тоицу росокон внутри Сохё и Дзэнкоку какусинкон (Общенациональный совет за единство во имя мира, демократии и обновления) — организации, предназначенной для создания единого фронта под руководством КПЯ и без участия СПЯ⁶⁷.

В принципе разногласия двух группировок напрямую не затрагивали новой политической стратегии КПЯ, принятой в начале 70-х гг. при активной роли К. Уэда и Т. Фува. Новые предложения группировки Уэда не затрагивали в принципе социалистический характер еврокоммунистических взглядов и опирались в первую очередь на концепции и практику итальянской компартии. Однако К. Миямото усмотрел истоки застоя с расширением партийных рядов, бездеятельности членов партии и неплатежей членских взносов в 80-е гг. именно в мягкости кадровой линии К. Уэда, и оценил его концепции как "ошибочную ревизионистскую теорию".⁶⁸

Формального отказа от стратегии 70-х гг. не последовало, но в партийной пропаганде акценты были перенесены на ортодоксальные лозунги укрепления партийной дисциплины и противостояния "поправлению СПЯ". Возможности деятельности новой внутрипартийной оппозиции были существенно ограничены посредством перемещения ее лидеров на почетные, но малозначимые посты и чистки центральных органов от их сторонников. Появление Т. Фува на посту председателя КПЯ в 90-е гг. стало возможным лишь после его отказа от продолжения внутрипартийной полемики и признания неформальной руководящей роли К. Миямото.

В итоге в 80-е гг. укрепился имидж КПЯ как единственной партии жесткой и непримиримой оппозиции, что подрывало ее влияние на электорат. Крах коммунистических режимов в Восточной Европе и бывшем СССР привел к почти полной потере поддержки населением страны любой модели социалистического выбора и нанес популярности КПЯ еще один чувствительный удар. Если в 1972-1979 гг. за КПЯ стабильно голосовало 10% избирательского корпуса, то в 1993 г. — лишь 7,7%⁶⁹. В 90-е гг. КПЯ опустилась до уровня политического аутсайдера, неспособного воздействовать на политический процесс в стране.

Значительную эволюцию прошла со времени своего создания в 1964 г. партия Комэйто. Образована она была как политическое представительство влиятельной необуддистской религиозной организации Сока Гаккай⁷⁰. Одна из специфических черт идеологии Сока Гаккай в ее послевоенном варианте заключается в том, что реализация ее религиозных целей тесно связана с политическими задачами. Полное религиозное спасение в этой доктрине возможно только как коллективное, когда все население принимает веру Сока Гаккай, и на этой основе создается полутеократическое государство (фундаментальный принцип — обуцу мёго — "слияние государя и Будды", интерпретируемый сегодня как слияние религии и государственной власти). Современный почетный президент Сока Гаккай Д. Икэда определял этот принцип следующим образом: "Основы теории обуцу мёго заключаются в трех великих тайных законах святого Нитирэна, в словах "Закон государя сливается с законом Будды, закон Будды сливается с законом государя, через единство государя и священника реализуется истина трех великих тайных законов, т.е. почитания истинной веры, чтения истинной молитвы, деятельности истинного храма". "Закон государя обеспечивает процветание тогда, когда он основан на законе Будды" . В трактовке первого послевоенного президента Сока Гаккай, а фактически создателя этой организации в ее современном виде Дз. Тода это положение звучит так: "Только когда господствующий класс в стране понимает истинный закон Будды, следует ему, верит в него, возможны спокойствие в государстве и мир в Поднебесной"⁷².

Прозелитизм и политическая активность в теории являются центральными формами деятельности Сока Гаккай. Дз. Тода откровенно говорил: "Причина, по которой мы проявляем интерес к политике — это задачи распространения почитания Сутры о лотосе, содержащей три великих тайных закона. Иными словами, наша единственная цель — это создание центрального государственного храма" . Политическая логика определена тем же Дз. Тода следующим образом: "Нам необходимо воспитывать политиков, готовить их. Поскольку истинный храм нельзя основать без слияния закона государя и закона Будды, ясно, что мы обязательно должны заниматься такой деятельностью". При этом "мы говорим о законе государя, но сейчас император не имеет власти. С этим ничего поделать нельзя. Сейчас власть в руках премьер-министра. Раньше власть в японском государстве принадлежала императору. С провозглашением принципа "суверенитет принад-

лежит народу" власть находится в наших руках. Поэтому при распространении веры эту работу надо распространить до парламентской политики". "Распространение священного писания должно осуществляться по декрету премьер-министра. Задача настоящего времени — это учреждение истинного храма по решению обеих палат парламента, представляющих волю народа"⁷⁴.

Первоначальные программные документы Комэйто, созданной как партии Сока Гаккай, без индивидуального членства, опирались именно на эти концептуальные положения. В теории Комэйто ввела более современные политические понятия "буддистской демократии" и "гуманного социализма". Однако различия между этими терминами и буддистскими понятиями не проводилось. По заявлению Д. Икэда, "возможно, такие понятия как "гуманный социализм" выражают принцип обую мёго"⁷⁵.

При подобных установках основную базу Комэйто могли составлять именно члены Сока Гаккай, учитывая общие негативные оценки этой организации в японском общественном мнении. Так, по различным опросам 60-х гг. от 42 до 57% респондентов отрицательно относились к этой организации, рассматривая ее как фанатичную⁷⁶, в значительной мере благодаря жестким кампаниям прозелитизма. По опросу журнала "Аэра" в 80-е гг., Д. Икэда был назван вторым из ста наиболее

неприемлемых людей в Японии⁷⁷. Но даже опора только на электоральный потенциал Сока Гаккай обеспечивает Комэйто достаточно сильные политические позиции. Официально утверждаемая численность организации составляет 17 млн. человек, хотя по критическим оценкам она не превышает 3 млн⁷⁸.

Процесс преобразований в Комэйто наметился с 1970 г., в первую очередь в связи с крупным скандалом вокруг Сока Гаккай, связанным с попыткой Д. Икэда препятствовать распространению критических публикаций об этой организации. Эти преобразования имели целью избавление от имиджа чисто религиозной партии. Структуры Комэйто были отделены от Сока Гаккай, установлена система индивидуального членства, в том числе и не для членов Сока Гаккай, с начала 80-х гг. от Комэйто в парламент избираются и депутаты, не принадлежащие к этой организации, из документов Комэйто были исключены не только требования, но даже упоминания об учреждении "государственного истинного храма".

Тем не менее эти преобразования остались в основном внешними и косметическими. В обильной японской литературе, критикующей Сока Гаккай, подробно описаны методы управления партией со стороны религиозной организации, оставшиеся неизменными и после 1970 гг. По заявлению самого Д. Икэда, "Сока гаккай — это религиозная организация, Комэйто — политическая, но мы вместе привержены учению великого святого Нитирэна, мы — один и тот же организм с разными названиями, стремящийся к реализации принципа обую мёго. В политическом смысле человек может быть членом Комэйто. В религиозном — членом Сока гаккай, в социальном — работником компа-

нии, студентом, врачом, но это один и тот же человек

Реальный процесс трансформации Комэйто скорее связан с изменением форм деятельности Сока Гаккай. Столкнувшись с активным неприятием со стороны общественного мнения, Сока Гаккай вынуждена была отказаться от кампаний активного и настойчивого прозелитизма. Однако именно акцент на прозелитизм и активные методы убеждения отличают нитирэнизм, от которого берет свое начало Сока Гаккай, от всех остальных течений буддизма. Отказ от них для этой организации означал бы отказ от основ собственной доктрины. Д. Икэда удалось сделать невозможное. Благодаря тому, что его предшественник включил политическую деятельность в понятие прозелитизма, он смог свернуть кампанию активного убеждения и переориентировать прозелитизм исключительно на поддержку Комэйто. Подд^еР^{жкка} Комэйто для верующих — это важнейшая религиозная обязанность. Более того, по оценке И. Дан, "члены Общества не столько поддерживают политику Комэйто, сколько последовательно голосуют за нее на выборах в качестве формы религиозной деятельности. Они даже не пытаются выяснить ее политическое лицо, и даже если политический курс партии время от времени резко меняется, это не вызывает никаких сомнений у ее сторонников"⁸⁰. Найден был и вариант, заменивший прежние кампании активного убеждения. Теперь привлечение дополнительного голоса за Комэйто признанно эквивалентным при-

влечению нового члена организации⁸¹. Изменена была даже территориальная организация местных отделений Сока Гаккай. Традиционно эта система не имела географической привязки. Вступающий в организацию новый член автоматически входил в общину, к которой принадлежал завербовавший его человек независимо от места проживания. С начала 70-х гг. Сока Гаккай вводит систему территориальных

блоков, совпадающих с границами избирательных округов. В итоге, как ни преувеличенным это кажется, оценка И. Дан, заявляющего, что "Сока Гаккай — это не религиозная организация, а, скорее, политический орган, существующий ради выборов"⁸², достаточно близка к реальной ситуации.

Сочетание переориентации прозелитизма на поддержку Комэйто и ее демонстративное отстранение от религиозных задач, отказ от главного политического требования нитирэннизма — учреждения государственного храма и слияния государственных основ с религиозными принципами приводит к парадоксальному явлению. Вся эта деятельность теряет свой изначальный религиозный смысл. Поскольку вся политическая идеология Комэйто была основана на религиозной доктрине, новая ситуация лишает партию определенного лица. Она достаточно безболезненно меняет свои позиции, подстраиваясь к доминирующему общественному мнению. Найдено этому и красивое обоснование. Пропагандистские издания партии указывают: "Специфика Комэйто заключается в том, что она руководствуется не идеологией, а стремлениями народных масс". Один из крупнейших критиков Сока Гаккай Х. Фудзивара окрестил Комэйто "партией опросов об

..84

ественного мнения

Безболезненность колебаний политического курса Комэйто определяется низким уровнем политического сознания ее сторонников. Преимущественно это лица с низким уровнем образования, мелкие предприниматели и неорганизованные работники мелких и средних предприятий. По данным Н. Томита, среди них представлены все возможные политические взгляды, но самым распространенным является

85

незнание и отсутствие интереса к политическим вопросам.

Наиболее ярко колебания политического курса Комэйто проявились в ее отношении к силам самообороны и японо-американскому договору безопасности, а также в политике сотрудничества с другими партиями.

Изначальную позицию Комэйто по военным вопросам определил 3-й съезд в 1966 г., принявший установку на отказ от договора безопасности, его поэтапную ликвидацию в течение 10-20 лет. В течение первой половины 70-х гг. под воздействием волны борьбы против автоматического продления договора (1970 г.) происходит радикализация требований "скорейшей ликвидации системы военного союза в течение 70-х гг." (8-й съезд, 1970 г.) до лозунга "скорейшего отказа от договора"

468

(11-й съезд, 1973 г.). С изменением общественных настроений к 1975 г. позиция Комэйто смягчается до близкой к первоначальной — отказ от договора путем достижения обоюдной договоренности на дипломатических переговорах. К 1978 г. эта позиция эволюционирует к признанию договора, впервые звучит тезис о признании права на существование сил самообороны. В 1981 г. партия уже провозглашает согласие с существованием сил самообороны и сохранением договора безопасности. К 1991-1992 гг. при обсуждении законопроекта об участии японских сил самообороны в миротворческих операциях ООН Комэйто уже согласна и с этим положением при соблюдении некоторых мер гражданского контроля и неприменении оружия, и в итоге голосует за законопроект вместе с ДДП и ПДС.

Не менее интересна и эволюция коалиционной политики Комэйто. Первоначальная ее религиозная политическая идеология не допускала межпартийных компромиссов, и при этом первоочередной акцент делался на противостояние правящей ЛДП. В 1973 г. партия переходит к коалиционной стратегии, опубликовав "Видение коалиционного правительства центристских и левых сил", имея в виду сотрудничество с ПДС и СПЯ. В связи с тем, что к 1978 г. усилия "правых" фракций СПЯ по созданию блока трех партий не получают достаточной поддержки в среде социалистов, Комэйто провозглашает линию на сотрудничество с ПДС, Союзом социал-демократов и консервативным Новым Либеральным клубом (НЛК).

В 1982 г., когда недостаточность сил такого объединения без участия СПЯ стала очевидной, Комэйто делает новый крен. Издания партии подают его следующим образом: "Что мы будем делать, если произойдет реальный раскол ЛДП? В этом случае Комэйто, исходя из своих принципов и политического курса, учитывая в полной мере тенденции общественного мнения, готова вступить в предварительные консультации, имея в виду участие в правительстве". За этими рассуждениями стояли предложения генерального секретаря партии Дз. Яно 20-му съезду, ориентированные на "создание условий для раскола ЛДП" и вступление трехпартийного блока в коалицию с ЛДП или с отколовшейся от нее группы. В случае же неприемлемости этого курса для СПЯ в состав коалиции могли бы войти только Комэйто и ПДС⁸⁷.

Новый поворот коалиционной политики был сделан в 1989 г., после поражения ЛДП на выборах в палату советников. В условиях, когда очевидным стало массовое недовольство политикой СПЯ и оп-

469

позиционные партии впервые получили большинство голосов в одной из палат парламента, партия вновь сделала ставку на сотрудничество с СПЯ и ПДС. Но невозможность достичь договоренности с СПЯ по ряду вопросов военной и внешней политики, а впоследствии и нигилистический курс СПЯ в отношении участия Японии в миротворческих операциях ООН не дали возможности реализовать эту установку. С конца 1990 г. Комэйто вновь переориентируется на возможное сотрудничество с ЛДП. Итогом этого процесса стала реализация стратегии 1982 г.: с выходом из ЛДП группировки Хата-Одзава и Инициативы по созданию новой партии (группировки М. Такэмура) появились возможности вхождения Комэйто в коалиционное правительство, в котором ведущую роль играют выходцы из ЛДП.

Любопытна и история закулисных контактов Комэйто — Сока Гаккай с отдельными лидерами ЛДП, в первую очередь с фракцией Танака. Первые контакты Д. Икэда с К. Танака были установлены в 1970 г. при попытках Сока Гаккай получить содействие премьер-министра в деле пресечения критических публикаций об организации. В благодарность Комэйто впервые поддержала кандидатуру ЛДП на выборах губернатора Киото. В 1979 г. во время борьбы между М. Охирой и Т. Фукудой за пост премьер-министра Комэйто по просьбе С. Никайдо, тогда претендента на занятие поста лидера фракции Танака, поддержала М. Охирой при голосовании вотума недоверия его кабинету. За это С. Никайдо предлагал ввести в новый кабинет двух представителей Комэйто, но смерть М. Охиро не позволила реализовать план. В 1983 г. после того, как ЛДП впервые не получила абсолютного большинства мест в палате представителей, тот же С. Никайдо предлагал премьер-министру Я. Накасонэ организовать в парламенте поддержку однопартийного кабинета депутатами Комэйто и ПДС, но Я. Накасонэ предпочел создание коалиции с НЛК. И все-таки модель поддержки кабинета ЛДП со стороны Комэйто и ПДС была реализована в 1990-1992 гг.

Наконец, наблюдатели отмечают, что на протяжении 70-90-х гг. Комэйто не выдвигает своих кандидатов в парламент в тех округах, где баллотируются политики, наиболее близкие к К. Танака. По этим оценкам, существует неформальное сотрудничество на выборах между Комэйто и фракцией Танака⁸⁸. Следует отметить, что в выдвижении депутатов от Комэйто на выборах 1993 г. прослеживалась возможная модель сотрудничества с Партией Возрождения (ПВ), созданной именно той частью фракции Танака, которая имела контакты с

Комэйто. Так, из 54 округов, где Комэйто выдвигала своих кандидатов, в 23 (42,5%) отсутствовали кандидаты ПВ, еще в 21 округе (39%) были избраны депутаты от обеих партий, что можно считать скорее расчетом на победу обоих кандидатов, чем реальным соперничеством между ними. Лишь в 10 округах (18,5%) выступали кандидаты обеих партий, причем один из них проиграл (в 3-х случаях Комэйто, в 7-ми — ПВ). При этом во всех 10 округах традиционно избирались депутаты от Комэйто⁸⁹. И в этом случае скорее можно говорить или о неудаче расчета на победу двух кандидатов, или о чрезмерных амбициях ПВ, но вряд ли о нежелании сотрудничества со стороны Комэйто.

В целом, однако, можно сказать, что политическое лавирование Комэйто в 70-90-е гг. не принесло партии большого успеха. Ее электорат стабильно держится на уровне 5-6 млн. голосов, в основном ограничен членами Сока Гаккай и, как и в случае с КПЯ, преимущественно сконцентрирован в крупнейших городах. Несмотря на все усилия по показному отделению от Сока Гаккай, партии так и не удалось преодолеть впечатление о ней как о чисто религиозной партии, нацеленной исключительно на обслуживание интересов специфической общины в Японии. В силу этого обстоятельства для широкого общественного мнения страны Комэйто выглядит как наименее приемлемая партия и соперничает за это звание только с КПЯ.

До 1993 г. ее значимость в планах оппозиционных коалиций определялась не столько ее политическим профилем, сколько разногласиями в социал-демократическом движении страны, неспособностью СПЯ и ПДС придти к компромиссу без участия посредников. С рождением же профцентра Рэнго в 90-е гг. и эта роль посредника переходит к руководству профсоюзов. Поэтому последняя политическая ставка Комэйто заключается в долголетних контактах с фракцией К. Танака, переросших сегодня в сотрудничество с ПВ.

Наиболее сложной для анализа представляется эволюция Партии демократического социализма (ПДС), поскольку она получает минимальное освещение как в японских, так и в англоязычных публикациях. Но именно ПДС претерпела наименьшую трансформацию в период 60-90-х гг. Партия была создана в 1960 г. в результате раскола между правым и левым течением в СПЯ как по причинам доктринального характера, так и ввиду расхождений по отношению к японо-американскому договору безопасности и силам самообороны.

Доктринальные позиции ПДС по отношению к идее социализма изначально были близки к оценкам, к которым пришли СПЯ и ССД в 80-е гг. Пропагандистские издания ПДС указывают: "Социализм — это демократический социализм, тогда как коммунизм означает тоталитаризм, и мы не признаем его социалистическим учением. В странах всеобщего благосостояния, таких, как Северная Европа, социал-демократические партии находятся у власти и создали такой строй. Реальность такова, что государство всеобщего благосостояния рождается только из демократического социализма"⁹⁰. Важнейшей задачей в этой системе, по мнению идеологов ПДС, является "реформирование современной экономической системы, в которой приоритет отдается интересам крупных предприятий, повышение и стабилизация жизненного уровня населения, развитие системы социального обеспечения, гарантии полной всеобщей занятости"⁹¹. Средствами обеспечения этого курса должны быть в первую очередь расширение функций экономического планирования при сосуществовании государственного и частного секторов экономики, а также система участия трудящихся в управлении предприятиями в целях предотвращения бюрократического контроля над экономикой.

Как видно, данные положения практически не отличаются от установок современного левоцентристского течения японской социал-демократии. Наибольшая разница заключается в том, что если идеологи СПЯ и ССД в первую очередь апеллируют к опыту социал-демократии Южной Европы (Испания, Франция), то для ПДС центральным ориентиром становится Северная Европа. Неслучайно "Новая декларация СПЯ" получила достаточно позитивную оценку даже лидера консервативного течения в ПДС И. Касуга, который отмечал: "СПЯ вступает на путь реалистичной политики, переходя от концепции массовой партии классовой борьбы к идее общенародной партии. Заявив о том, что видение социализма СПЯ отличается от коммунистической доктрины, она переходит из разряда прокоммунистических партий в группу антикоммунистических партий, утверждает, что в условиях демократии коалиционное правительство представляет собой обычную практику." Возражения И. Касуга сводились уже не к доктринальным разногласиям, а к расхождениям по конкретным проблемам военной и внешней политики⁹².

С момента образования ПДС выступала также в подд^е Р^{жк} У японо-американского договора безопасности и японских сил самообороны.

Справедливо было бы сказать, что уже с начала 60-х гг. практически одна ПДС представляла альтернативное ЛДП центристское течение, не имея при этом негативно-религиозного облика Комэйто и будучи избавленной от фракционной идеологической борьбы, характерной для СПЯ.

Тем не менее, за более, чем 30 лет своей истории ПДС так и не смогла стать партией серьезной альтернативы. Первые же выборы принесли ей серию тяжелых поражений. На выборах в палату представителей 1960 г. ПДС сократила свое представительство с 47 до 17 депутатов. На выборах в палату советников ее представительство сократилось с 9 до 4 депутатов. Следующим поражением партии стали местные выборы 1963 г., когда из 219 ее кандидатов победу одержали лишь 86⁹³. На последующих выборах ПДС попеременно переживает локальные взлеты и падения, однако, ее парламентское представительство на момент образования партии по-прежнему остается недостижимым рекордом.

Можно отметить ряд причин хронических неудач ПДС. Справедливым, в частности, выглядит замечание М. Ириэ, отмечавшего, что в первой половине 60-х гг., когда страну разделяло жесткое противостояние двух ведущих партий, еще не созрели общественные условия⁹⁴

для становления промежуточной центристской силы. Не менее важно и то, что ПДС не удалось создать собственного четкого имиджа. Значительную часть избирателей отпугивает активное использование партией термина социализм. Идея социализма в целом непонятна японскому избирателю, она автоматически создает имидж левой политической силы, а вникать в суть концептуальных разногласий между КПЯ, СПЯ и ПДС избиратель не намерен. Неслучайно на рубеже 80-90-х гг. в ПДС возникает идея отказа от социал-демократической терминологии и переименования партии в Демократическую.

С другой стороны, для более образованного и склонного к левым настроениям избирателя ПДС выглядит излишне консервативной, близкой по своим позициям к ЛДП, особенно по вопросам военной политики. В японских публикациях можно встретить оценки типа того, что "своим "ястребиным" характером ПДС может поразить даже г-на Накасонэ"⁹⁵. Существенной слабостью ПДС является и ее чрезмерная зависимость от профсоюзов. До 75% членов партии — это функционе-

⁹⁶
ры прежнего профцентра Домэй. Показательные результаты в этом смысле давали опросы газеты "Асахи". Так, опрос 1984 г. показал, что

31% респондентов вообще не имеют никакого мнения о ПДС, наиболее распространенные оценки — это "несерьезная партия (16%)", "запутавшаяся партия" (13%)⁹. Еще более показателен опрос 1978 г., согласно итогам которого 38% респондентов отнесли ПДС к консервативным партиям, 26% — к центристским, и 10% — к левым⁹⁸.

Анализ партий традиционной японской оппозиции наглядно демонстрирует, что левая оппозиция могла рассчитывать на достаточно серьезную и широкую поддержку в основном в период жесткого идеологического противостояния 40-60-х гг. и лишь в качестве более слабого компонента "полупартийной" системы 1955 г. По мере расширения настроений "потребительского консерватизма", деидеологизации широких общественных настроений традиционная левая и даже центристская оппозиция могли функционировать преимущественно для обслуживания политических интересов достаточно узких корпоративных групп, что характерно в первую очередь для Комэйто, КПЯ и в значительной мере для ПДС. Даже ведущая партия оппозиции — СПЯ — имела профсоюзы госучреждений в качестве центрального источника своего влияния.

Нарастающее недовольство итогами правления ЛДП, проявившееся уже с конца 60-х гг. и развившееся до масштабов общенационального политического кризиса в 90-е гг., давало традиционной оппозиции возможность привлекать на свою сторону деидеологизированного колеблющегося избирателя. Однако новые слои электоральной поддержки оппозиции оказались чрезвычайно далеки от идейно-доктринальных установок всех оппозиционных партий. Чем эффективнее оппозиция аккумулировала эти голоса, тем глубже становился разрыв между политическими целями партий и устремлениями их электората. К 80-м гг. стало достаточно ясно, что простые модификации партийной системы 1955 г. уже не соответствуют реальным потребностям японской политики 80-90-х гг, несмотря на дробность оппозиции и рост влияния центризма. Актуальной становилась задача создания слабоидеологизированной консервативной оппозиции ЛДП.

Проблемы политической альтернативы

Первой попыткой создать альтернативу ЛДП, не отягощенную идеологическими дискуссиями, можно считать создание в 1976 г. Нового Либерального Клуба (НЛК) — политической партии, отколовшей-

ся от ЛДП. Однако если успех новой политической альтернативы расценивать как способность бросить вызов доминированию ЛДП в японском политическом процессе, эту попытку трудно признать успешной.

Новая партия была создана шестью молодыми парламентариями от ЛДП. По оценке С. Фарр, за этими усилиями стояло прежде всего недовольство молодого поколения консервативных политиков механизмом принятия решений и выдвижения на политические должности, существующим в ЛДП. Согласно этой оценке, выход НЛК из ЛДП — это в первую очередь отражение конфликта поколений среди либерал-демократов. При этом скандальная атмосфера вокруг "дела Локхид"⁹⁹ создавала условия для более эффективной пропаганды новой партии.

Успех НЛК оказался достаточно ограниченным. Несмотря на рекламный бум в средствах массовой информации, во время выборов в палату представителей 1976 г. он смог выдвинуть лишь минимально необходимое число кандидатов — 25, и обеспечить победу 17 из них. Такие итоги не позволили НЛК даже образовать собственную фракцию в парламенте, для чего требуется 20 мест в палате представителей и 10 в палате советников. Начальный старт оказался наиболее удачным в десятилетней истории партии. На следующих выборах в палату представителей в 1979 г. НЛК смог получить лишь 4 места, в 1980 г. — 12 мест, в 1983 г. — 6, в 1986 г. — 7. Незначительным было представительство Клуба и в палате советников.

Существенную политическую роль НЛК сумел сыграть лишь в двух случаях в качестве маргинальной партии, способной в условиях равного противостояния двух политических группировок склонить чашу весов в сторону одной из них. Оба эти случая совпали с периодами минимального парламентского представительства Клуба. В 1979 г. Ё. Коно, контролируя всего 4 места в палате, вмешался, как отмечалось выше, в борьбу Т. Фукуда и М. Охира за пост премьер-министра, и голоса НЛК способствовали победе М. Охира. Второй случай относится к периоду 1983-1986 гг., когда не набравшая большинства мандатов в палате представителей ЛДП была вынуждена образовать коалиционное правительство Я. Накасонэ с участием НЛК. Тогда НЛК имел 6 мест в нижней палате.

В 1986 г. лидер организации Ё. Коно принимает решение о слиянии НЛК с ЛДП. Лишь один из первоначальных основателей Клуба С. Тагава создал собственную новую партию, Прогрессивную, которая

имела один мандат в палате представителей в 1986-1993 гг. и потеряла его в итоге последних парламентских выборов.

В целом НЛК не только не смог стать какой-либо альтернативой ЛДП, но не сумел и сколь-либо существенно поколебать позиции либерал-демократов в японской политике.

Две основные слабости НЛК не позволили в 70-80-е гг. появиться принципиально новой оппозиции. Лишь часть основателей НЛК, в первую очередь Ё. Коно и С. Тагава, ставили долгосрочную цель создания альтернативной консервативной партии. Для другой части руководства НЛК задача заключалась прежде всего в привлечении внимания к проблемам внутри ЛДП и ее реформации¹⁰⁰. Стратегические разногласия в руководстве новой партии подрывали возможности расширения ее электоральной базы. Выход из НЛК в 1979 г. идеолога "другой части" Т. Нисиока спровоцировал глубокий кризис новой партии, полностью преодолеть последствия которого она так и не смогла.

Главной же слабостью НЛК можно считать тот факт, что по своей сути она напоминала не столько политическую партию, сколько объединение достаточно влиятельных индивидуальных политиков. Три ее наиболее влиятельных лидера — Ё. Коно, Т. Нисиока и Т. Ямагути — представляли второе поколение политиков, имевших высокую популярность в своих избирательных округах. Их избрание в парламент практически было гарантировано независимо от их партийной принадлежности. Столь же прочные позиции в своем округе имел и С. Тагава. Именно эта четверка и составила ядро парламентариев НЛК, избиравшихся независимо от каких-либо внешних обстоятельств.

При этом НЛК фактически не имел собственных местных организаций. Под ярлыком местных отделений партии фактически выступали организации личной поддержки конкретных влиятельных политиков. Уход из НЛК Т. Нисиока и его сторонников таким образом привел к полной ликвидации местных отделений партии в регионах, на которые опиралась эта группа — в префектурах Мияги, Гифу, Миэ. За годы своего десятилетнего существования НЛК так и не удалось вырастить ни одного нового депутата, имевшего столь же прочные позиции в своем избирательном округе, которые имела первоначальная шестерка создателей партии.

Данное явление характерно не только для НЛК. С подобной же проблемой столкнулся и Союз социал-демократов: из его 4 мест в палате представителей 2 принадлежат политикам, сделавшим свою ка-

рьеру в рядах СПЯ, одно унаследовано сыном лидера фракции структурных реформ С. Эда от отца, а четвертый мандат принадлежит деятелю гражданского движения, вступившего в ССД уже будучи депутатом парламента.

Представляется, что данное обстоятельство образует фундаментальное препятствие на пути становления любой новой политической силы в Японии. Электоральные кампании всех политических партий страны имеют в качестве отправной точки достаточно высоко организованное и управляемое ядро сторонников. Такое ядро может формироваться на базе тесного взаимодействия партии и организаций иного рода (профсоюзы для СПЯ и ПДС, Сока Гаккай для Комэйто) или благодаря использованию механизмов мобилизации в традиционной политической культуре, формированию ядра не столько сторонников партии, сколько личных сторонников кандидата. И в той, и в другой модели у случайного нового кандидата практически нет шансов быть избранным: в этих случаях молодым политикам "выделяют" округ для избрания. Делает это либо партия, либо лица, контролирующие каналы политической мобилизации в данном округе.

Обе эти модели наиболее эффективно действуют в мелких и средних городах, в социальных группах с невысоким уровнем образования и невысокой квалификации. К концу 60-х гг. практически все эти группы уже оказались отмобилизованными традиционными партиями страны. Последний такой слой мигрантов из деревни в крупные города был использован в 60-е гг. КПЯ и Комэйто. Сейчас создать социальную базу для новой партии, рассчитывающей на мобилизационный тип вербовки сторонников, практически невозможно.

Из этой структуры в первую очередь выпадает значительная часть населения крупных городов, отказывающая в поддержке всем традиционным партиям. Однако в этой среде не работают устойчивые приемы мобилизации избирателей. Она плохо поддается организации, ее предпочтения непостоянны и переменчивы. Это не традиционный избиратель, не проявляющий интереса к политике, — такие группы в основном уже включены в системы мобилизации голосов, — а чаще хорошо информированный избиратель с достаточно высоким интересом к политическим проблемам и как раз в силу своих политических оценок не поддерживающий ни одну партию. Партии, которые делают ставку на эти социальные группы, не в состоянии набрать значитель-

ное число голосов в масштабах всей страны и не имеют устойчивой поддержки.

Стратегия создания новой партии инвариантно предполагает появление группы лидеров, уже имеющих высокую популярность и обладающих собственными контролируруемыми группами поддержки. Лишь на этой основе можно стремиться заполучить изменчивые голоса группы, не поддерживающей никакие партии. Начальный период становления новой партии в 70-90-е гг. — это в первую очередь создание клуба популярных политиков, и выйти за пределы поддержки этого клуба достаточно сложно.

По этой причине с 80-х гг. основные надежды в Японии на появление новой оппозиции были связаны со сценариями раскола ЛДП, причем такого раскола, который сохранил бы налаженные основными фракциями каналы мобилизации избирателей. Тенденции в этом направлении проявились в 1992-1993 гг.

Первой партией новой оппозиции 90-х гг. стала Новая партия Японии (НПЯ), созданная губернатором префектуры Кумамото М. Хосокава в преддверии выборов в палату советников. Исходные посылки создания НПЯ существенно отличались от НЛК. Достаточно известным в ней был только ее лидер, в прошлом журналист и депутат палаты советников от ЛДП. Известность он получил преимущественно как губернатор префектуры Кумамото. По этим параметрам НПЯ не соответствует определению "клуба известных политиков", она более четко отвечает понятию "личной электоральной организации", использованному Р. Рибенаром при описании мелких японских партий

Собственно, первые итоги деятельности НПЯ вряд ли можно считать впечатляющими, несмотря на то, что в 1993 г. ей удалось обеспечить своему лидеру пост премьер-министра. На выборах в палату советников 1992 г. она получила 8% голосов и 4 депутатских мандата, опередив лишь такие партии как КПЯ и ПДС¹⁰³. Тогда столь скромные результаты объяснялись недостаточным временем для подготовки к выборам. Выборы в палату представителей 1993 г. в целом рассматриваются как существенный успех партии, но реально не отмечается расширения ее поддержки: она получила те же 8% голосов и 35 депутат-

ки
ских мест

При этом существенно, что основную часть голосов ей дал мобильный и переменчивый электорат крупнейших городов. Как уже указывалось, около 40% всех поданных за нее голосов приходится на Токио

и две префектуры — Канагава и Сайтама. Из 35 ее депутатов 28 избраны в крупнейших городах и примыкающих к ним зонах, еще два — в префектуре Кумамото, где губернаторствовал ее лидер. Устойчивая база НПЯ выглядит крайне ограниченной, заведомо более узкой, чем у НЛК. Ее дальнейшие перспективы после спада первого пропагандистского бума видятся довольно шаткими. На сегодняшний день — это скорее партия первого и неустойчивого успеха, чем реальная альтернатива ЛДП. Наиболее четкой выглядит ее оценка М. Такабатакэ, отмечавшего: "Если до того, как пройдет период первой популярности, НПЯ не сможет создать политических и организационных основ, не созреет как политическая организация, то ее 35 мест в парламенте окажутся таким же пределом, каким стал порог в 17 мест для НЛК"¹⁰⁵.

Единственной неоконсервативной партией, которой удалось преодолеть ограничения на создание новых политических организаций, стала партия возрождения (ПВ, Синсэйто), образованная в июне 1993 г. вышедшей из ЛДП группировкой Ц. Хата — И. Одзава. По итогам парламентских выборов 1993 г. НПЯ прочно завоевала третье место в иерархии японских партий, получив 10% голосов и 55 депутатских мандатов в палате представителей. В коалиционном кабинете М. Хосокавы она добилась 5 наиболее значимых постов (министров иностранных дел, финансов, сельского хозяйства, внешней торговли и промышленности, начальника управления национальной обороны), тогда как первая по числу депутатских мандатов партия правящей коалиции — СПЯ — имеет лишь два министерских поста, а остальные участники лишь по одному.

В настоящее время только три японские партии можно считать общенациональными в полном смысле слова — ЛДП, СПЯ и ПВ. Так, ЛДП представляет в парламенте все 47 префектур, СПЯ — 38 префектур, ПВ — 33 префектуры. Далее следуют Комэйто (24 префектуры), НПЯ (17), ПДС (13), Партия инициативы (12), КПЯ (7), ССД (4). Существенно, что лишь три первые партии переходят барьер 5% голосов в большинстве префектур страны — ЛДП и СПЯ во всех, ПВ — в 35, тогда как их ближайшие соперники Комэйто, НПЯ и КПЯ — лишь в 25. Остальные партии выглядят как имеющие исключительно локальную поддержку (ПДС в 11 префектурах, ПИ — в 7, ССД — в 2). Более того, в 11 префектурах ПВ смогла выйти на второе место по числу собираемых голосов, существенно потеснив СПЯ. Из других партий на

второе место в отдельных префектурах выходят также Комэйто (в трех случаях — Осака, Окаяма и Фукуока), НПЯ (в трех случаях — Токио, Сайтама и Кумамото) и КПЯ (в двух случаях — Киото и Коти)

Истоки успеха ПВ определяются прежде всего тем, что она была создана не как клуб видных политических деятелей, а полностью унаследовала центральные и местные структуры бывшей фракции Танака-Такэсита. Лидерами ПВ стали люди, фигурировавшие во фракции как основной источник финансовых поступлений (Ц. Хата) и ведущий организатор предвыборных кампаний и деятельности фракции (И. Одзава). По своему характеру ПВ практически не отличается от ЛДП (с единственной оговоркой — в ПВ не существует фракций), и именно в этом заключается ее сила. На практике лидеры ПВ реализовали тезис, который постоянно звучал в политической жизни страны последних лет — реорганизация партийной структуры страны возможна только на основе раскола ЛДП. разделения ее на две крупные консервативные партии.

Но ПВ не удалось в полной мере осуществить эту стратегию. В настоящем виде ее вряд ли можно считать партией, сопоставимой по влиянию и политической значимости с ЛДП. Об этом говорят и итоги выборов 1993 г.: если ЛДП, даже ослабленная, имеет 36,6% голосов избирателей и 322 депутатов парламента в обеих палатах, то ПВ — лишь 10% голосов и 63 депутатов. Эти цифры вряд ли позволяют считать ПВ истинной альтернативой ЛДП в соответствии с логикой прогнозировавшегося раскола консерваторов.

Суть проблемы заключается в том, что по изначальной логике практически вся фракция Танака-Такэсита, поддержанная рядом других политиков, должна была покинуть ЛДП и образовать вторую крупную консервативную партию. По этой стратегии соотношение сил двух основных консервативных партий должно было бы быть принципиально иным. Если исходить из итогов выборов 1993 г., то все члены бывшей фракции Танака-Такэсита имели бы в парламенте 128 мест в обеих палатах против 258 у ЛДП и 143 у СПЯ, контролировали бы 15,3% голосов (31,6% у ЛДП, 15,4% у СПЯ). В этом случае влияние ПВ почти сравнялось бы с показателем СПЯ.

Раскол фракции Такэсита в декабре 1992 г. практически исключил эту возможность. В современном виде ПВ образована исключительно членами фракции Ц. Хата, притом с потерей ряда влиятельных сторонников И. Одзава. Неудача фракционной борьбы И. Одзава в ЛДП ре-

ально отодвинула становление системы двух крупных консервативных партий в Японии на неопределенное будущее. Несомненно, что из существующих образований лишь ПВ может претендовать на то, чтобы занять место в такой системе. Однако, эта перспектива зависит как от возможностей самой ПВ расширить свое политическое влияние, так и от шансов на дальнейший раскол ЛДП.

Эпоха коалиций

В 90-е гг. в политической жизни Японии оказалась реализованной давно ожидавшаяся альтернатива монопольному правлению ЛДП в форме многопартийной коалиции. Однако она приобрела принципиально иные, значительно менее стабильные формы, чем ожидалось в ходе дискуссий 70-80-х гг.

В 70-е гг. надежды связывались с созданием коалиции традиционных оппозиционных партий, укреплявших свои позиции в период равновесия сил оппозиции и ЛДП. Апогеем этих расчетов стали попытки создания коалиции СПЯ-Комэйто-ПДС, так и не доведенные до своего логического конца из-за влияния левого крыла в среде социал-демократов. К концу 80-х гг. общественное мнение страны уже не питало иллюзий в связи с возможностями традиционной оппозиции. Расчет строился скорее на идее коалиции всех партий (за исключением КПЯ) или коалиции двух крупнейших партий — ЛДП и СПЯ. В любом случае доминирующей силой в такой системе оставалась бы ЛДП. Этот выбор определялся нарастанием недоверия как к ЛДП, так и к традиционной оппозиции в целом. Именно в это время возникает идея становления двух крупных консервативных партий, но в отсутствие двухпартийной модели оппозиция рассматривалась как возможный инструмент сдерживания амбиций ЛДП не только через парламентские каналы, но и изнутри правительства. Тем не менее в условиях контроля над большинством голосов в палате представителей именно консерваторы не испытывали потребности в объединениях подобного рода.

События 1993 г. породили новую ситуацию. ЛДП потеряла контроль над парламентом, но в качестве противовеса ей смогла выступить лишь вся объединенная оппозиция. С учетом господства в правящей коалиции консервативных партий эта модель по сути близка к модели сотрудничества ЛДП и оппозиции. Однако оптимальную модель двухпартийной системы неоконсерваторам создать не удалось. Итоговая модель чрезвычайно напоминает ситуацию в Японии в конце 40-х

г., когда на власть могли претендовать лишь консервативные партии, но в борьбе друг с другом они оказывались вынужденными апеллировать к левой оппозиции.

Сама по себе эта ситуация достаточно неустойчива. Новым консерваторам чужды идейные и политические установки всей традиционной оппозиции. Современный союз определяется исключительно конъюнктурными задачами противоборства с ЛДП. Поэтому следует ожидать периодической реорганизации консервативных партий, переходов политиков из одной партии в другую до тех пор, пока не установится устойчивая система, обеспечивающая смену у власти различных течений консерваторов, не испытывающих влияния ни левых сил (социал-демократов), ни партий, представляющих интересы ограниченных социальных групп (Комэйто, ПДС). В этом смысле в японской политике завершился длительный цикл развития партийной системы 1955 г., кристаллизовавшейся по итогам переходного периода становления современной партийной системы в 1945-1955 г., и просуществовавшей с рядом видоизменений до 1993 г. Сейчас наступил новый переходный период, поскольку система 1955 г. не смогла перерасти в иное качество естественным путем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Т. Иясу, Сэйто то хабацу-но сякайгаку: Тайсю минсюсэй-но Нихонтэки тэнкай (Социология партий и фракций: Японский вариант развития массового демократического строя), Киото, 1983, с. 46.
2. Там же, с. 46.
3. R.J. Hrebennar, The Japanese Party System. Second Edition, Boulder, 1992, p. 3.
4. Сюгин гиин сэнкё-но дзиссэки, т. 2: Дай 21 кай — дай 39 кай (Итоги выборов в палату представителей, т. 2: 21-39 составы), Токио, 1991, с. 25-47.
5. Сюгин гиин сэнкё-но дзиссэки, т. 2, с. 116-117; Т.Иясу, Ук.соч., с. 112.
6. См.: R.A. Scalapino, J. Masumi, Parties and Politics in Contemporary Japan, Berkeley, 1962.
7. Выборы в палату советников японского парламента проходят раз в три года. Каждый раз переизбирается примерно половина состава палаты. 60% депутатов избирается по местным округам, 40% — по общенациональному округу.
8. Созданный в 1978 г. Социал-демократический союз (СДС) также относится к этой группе.
9. Подсчеты по местным избирательным округам" в данном случае нерепрезентативны, поскольку центристские партии выдвигают кандидатов лишь в отдельных таких округах.
10. Все расчеты по итогам выборов произведены на основе: Сюгин гиин сэнкё-но дзиссэки, т. 2: Дай 21 кай — дай 39 кай (Итоги выборов в палату представителей, т. 2:

21-39 составы), Токио, 1991; Сангин гиин цудзё сэнкё-но дзиссэки: дай 1 кай — дай 15 кай (Итоги очередных выборов в палату советников: 1-15 составы), Токио, 1990; Нихон кэйдзай симбун, 27.06.1992.

11. См. подробнее предшествующую статью.

12. Налог на продажи, аналогичный горбачевскому 5%-му "президентскому" налогу. Подробнее о японском потребительском налоге см.: А.И. Сенаторов. Новые тенденции внутривнутриполитической жизни (1988 — начало 1989 г.) — Япония 1989: Ежегодник. М., 1991, с. 27-30; Современный неоконсерватизм. Под ред. С.П. Перегудова, В.И. Скороходова, М., 1993.

13. См., например.: В.М. Richardson and S.C. Flannagan. Politics in Japan, Boston, 1984, p. 72.

14. В советской литературе на этот феномен первой обратила внимание О.И. Николаева. — См.: О.И. Николаева, Эволюция социальной базы Либерально-демократической партии Японии. — Япония 1986: Ежегодник, М., 1987.

15. R. Shiratori, The Impact of the Economy Upon Politics in Japanese Society. — In: Japan in the 1980s. General Editor: R. Shiratori, Tokyo, N.Y., San Francisco, 1982, pp. 34-35.

16. Дз. Камисима, Дзию минсюто (Либерально-Демократическая партия). — В кн.: Д. Ирокава и др., Нихон-но сэйто-о кангаэру (Размышления о японских партиях), Токио, 1984, с. 13.

17. Фигура С. Канэмару, также не занимавшего пост премьер-министра, представляет исключение в этом ряду. К моменту занятия должности лидера фракции Такэсита он по возрасту уже не мог претендовать на роль председателя партии, оставаясь закулисным "боссом" ЛДП. Его лидерство во фракции означало, с одной стороны, выделение дополнительного времени для выяснения отношений между более молодыми претендентами на эту должность, а, с другой, — новую роль фракции Танака-Такэсита в партийной политике 80-х — начала 90-х гг.

18. В июле 1993 г. председателем ЛДП избран Ё. Коно, также не имеющий собственной фракции. Ввиду того, что ЛДП потеряла большинство мест как в верхней (с 1989 г.), так и в нижней (с июля 1993 г.) палатах парламента он не был избран премьер-министром.

19. При выдвижении только одного кандидата от каждого избирательного округа партия не может обеспечить большинства в парламенте даже при победе всех ее кандидатов.

20. R.J. Hrebennar, Op.cit., p. 263.

21. К. Окано, Сэйдзи фудо рон (Политические устои), Токио, 1977, с. 209.

22. Рассчитано по: Син Ён Сок, Чжиминдан чонджи нон (Политика ЛДП), Сеул, 1990, с. 411; А.А. Макаров, Политическая власть в Японии, М., 1988, с. 117; Канкай, 1992, No 12, с. 34-35.

23. О значении поста генерального секретаря ЛДП подробнее см.: Н. Мамору, Генеральный секретарь Либерально-демократической партии. — Япония о себе и мире: Дайджест, 1993, No 3, с. 5-8.

24. Асахи симбун, 07.19.1993.

25. М. Китакадо, Танака Какуэй дайгундан 101 нин: Соно сэнряку то дзэмбо (101 человек корпуса Какуэя Танака: Портрет и стратегия), Токио, 1981, с. 192-193.

26. М. Исикава, М. Хиросэ, Дзиминто: Теки сихай-но кодзо (ЛДП: система долголетнего господства), Токио, 1989, с. 186.

27. Там же, с. 187.

28. Т. Иван, Сэйдзи сикин-но кэнкю (Исследование политических фондов), Токио, 1990, с. 65-66.

29. Там же, с. 104-105.

30. Foresight, 1993, No 5, 125.

31. Новый либеральный клуб (НЛК)- небольшая консервативная партия, отколовшаяся от ДДП в 1976 г. в условиях скандала "Локхид" и влившаяся в ЛДП в 1987 г. Подробнее об НЛК см. ниже.

32. Подробнее о реформах Т. Мики см.: R.J. Hrebepag, *Op. cit.*, pp. 259-260.

33. Insider, 1.7.1993, No 298, p. 5.

34. Х. Ямакава — один из основателей КПЯ, председатель КПЯ в 20-е гг. В результате тактических разногласий с Коминтерном был исключен из партии и создал теоретический центр "Роноха" (Рабоче-крестьянская фракция), входивший в ряд довоенных левосоциалистических партий и выступавший главным оппонентом КПЯ и Коминтерна в дискуссиях 20-30-х гг. по теоретическим проблемам марксистской теории применительно к условиям Японии.

35. Т. Хаяма, Нихон сякайто-ни кэйкоку-суру! Кэтто 40 нэн-но рэкиси-о кангамитэ (Предупреждение СПЯ: Анализ 40-летней истории со времени образования партии), Токио, 1986, с. 122-123.

36. Там же, с. 121.

37. М. Кисима, Кодзо кайкаку ха: Соно како то мирай (Фракция структурных реформ: Прошлое и будущее), Токио, 1979, с. 161.

38. Цит. по: Т. Хаяма, Ук.соч., с. 182-183.

39. М. Кисима, Ук.соч., с. 52-53.

40. Там же, с. 52.

41. Т. Хаяма, Ук.соч., с. 267,275; Дз. Масуми, Гэндай сэйдзи: 1955 нэн иго (Современная политика: После 1955 г.), Токио, 1985, т. 2, с. 546-547.

42. Т. Иясу, Ук. соч., с. 212.

43. Союз социал-демократов (ССД) — мелкая социал-демократическая партия, образованная в 1978 г. рядом деятелей фракции С. Эда.

44. Т. Хаяма, Ук.соч., с. 32-33.

45. Цит. по: Нихон сэйдзи-но сотэн. Х. Отакэ хэнтё (Спорные вопросы японской политики. Под ред. Х. Огакэ), Токио, 1984, с. 223.

46. См.: Т. Хаяма, Ук.соч., с. 283.

47. Дз. Масуми, Ук.соч., с. 563.

48. Нихон сякайто-но син сэнгэн (Новая декларация СПЯ). — В кн.: Нихон сякайто сэйсаку сирё сюэй. Нихон сякайто сэйсаку сюрё сюэй канко иинкай, Нихон сякайто сэйсаку сингикай хэнсю (Сборник политических документов СПЯ. Под ред. Издательской комиссии Сборника политических документов СПЯ и Комиссии по выработке политического курса СПЯ), Токио, 1990, с. 856.

49. Там же, с. 857.

50. Там же, с. 858.

51. Там же, с. 856.

52. Сякайто мондай кэнкюкай (Исследовательский комитет по проблемам СПЯ). 484 Сякайто сэйкэн-дэ Нихон-ва ко кавару (Так изменится Япония под властью СПЯ), Токио, 1989, с. 60.

53. Сяминрэн дзюэнэн си: Куса-но-нэ-но роман (10 лет истории Союза социал-демократов: роман с народным движением), Токио, 1989, с. 216.

54. Подробнее см.: А.В. Загорский, Реорганизация профсоюзного движения Японии. — Япония 1991: Ежегодник, М., 1993.

55. Асахи симбун, 07.19.1993.

56. Акахата, 07.3-4.1969.

57. См.: Т. Фува, Дзимминтэки гикайсюги (Народный парламентаризм), Токио, 1969; Нихон кёсанто дай 11 кай тайкай токусю (Специальная подборка материалов XI съезда КПЯ). — Дзэнъэй, 1970, No 314.

58. И. Катасэ, Сэйто сидзи-но рюдока: 1985 нэн SSM тёса-ни ёру бунсэки (Расплывчатая поддержка политических партий: Анализ данных опроса SSM 1985 г.) — Тохокугакуин дайгаку ронсю: Нингэн — гэнго — дзёхо. Сэндай, 1989, No 95, с. 261.

59. С. Камидзё, Сюгин гиин сосэнкё-ни окэру кёсанто (КПЯ на выборах депутатов палаты представителей). — Хогаку ронсю (Комадзава дайгаку хогакубу), Токио, 1990, No 40, с. 82.

60. Там же, с. 86.

61. Ц. Мидзусима, Ватакуси-но Ёёги токухаин: Нихон кёсанто-но синдан (Я — спецкор в Ёёги: диагноз КПЯ), Токио, 1981, с. 130.

62. Нихон-но сэйтэ тидзу '80 — '90. Р. Сиратори хэн (Карта политических партий Японии в 80-90-е гг. Под ред. Р. Сиратори), Токио, 1980, с. 203.

63. И. Мураока, Хэнка-но-нака-но Нихон Кёсанто (КПЯ в процессе изменений), Токио, 1986, с. 187.

64. Там же, с. 189.

65. Ц. Мидзусима, Миямото Кёсанто-ва хакай-суру: Дзоку сисо кайдзо коба (Развал КПЯ Миямото: Продолжение книги "Фабрика промывки мозгов"), Токио, 1989, с. 24-25.

66. Ц. Мидзусима, Миямото Кэндзи таоруру хи: Соно токи Кёсанто-ни нани-га окору ка (День провала Кэндзи Миямото: Что тогда произойдет с КПЯ), Токио, 1985, с. 47-48; Ц. Мидзусима, Сисо кайдзо коба: Кёсанто-но нингэн канри дзюцу (Фабрика промывки мозгов: Техника КПЯ по управлению людьми), Токио, 1987, с. 259.

67. Ц. Мидзусима, Миямото Кэндзи таоруру хи, с. 58-59, 87-89.

68. Там же, с. 51.

69. Сюгин гиин сэнкё-но дзиссэки, т. 2, с. 68-87, Асахи симбун, 19.7.1993, вечерний выпуск.

70. Подробнее о Сока Гаккай см.: И.К. Державин, Сока Гакхай — Комэйто (Религиозно-политическое движение в послевоенной Японии), М., 1972.

71. Д. Икэда, Сэйдзи то сукёё (Политика и религия), Токио, 1969, с. 187.

72. Д. Тода, Риссё анкокурон коги (Лекции о трактате "Риссё анкокурон"). — Тода Дзёсэй дзэнсю (Полное собрание сочинений Дз. Тода), т. 5, Токио, 1985, с. 167.

73. Цит. по: Ё. Арита, Гэндай Комэйто рон (Современная Комэйто), Токио, 1985, с. 40.

74. Д. Тода, Сандайхихо хин коги (Лекции и природе трех великих тайных законов). — Тода Дзёсэй дзэнсю, т. 6, Токио, 1986, с. 425, 526-527.

75. Цит. по: Н. Томита, Ук.соч., с. 53.

76. R.J. Hrebepag, *Op.cit.*, p. 153.

77. И. Дан, Мэйсо-суру Комэйто-но наймаку (За Кулисами запутавшейся Комэйто), Токио, 1989, с. 153.

78. Хакай-суру Икэда Сока Гаккай. Омэй синкан хэн (Разваливающаяся Сока Гаккай Икэда. Под ред. группы Омэй синкан), Токио, 1990, с. 31. Для сравнения, в 80-90-е гг. за Комэйто голосует 5-6 млн. человек, на последних выборах 1993 г. эта цифра составила 5114 тыс. голосов — Асахи симбун, 07.19.1993.

79. Цит. по: Н. Томита, Ук. соч., с. 29-30.
80. И. Дан, Ук.соч., с. 155.
81. См. Там же, с. 110-116; Ё. Арита, Ук.соч., с. 16-18.
82. И. Дан, Ук.соч., с. 107.
83. Тёсэн-суру Комэйто (Комэйто бросает вызов), Токио, 1982, с. 124.
84. Х. Фудзивара, Сока Гаккай — Комэйто-о бутта-киру: Има надзэ коно акусицуна сосики-но кимансэй-о мондай-ни суру ка (Полное разоблачение Сока Гаккай — Комэйто: Почему сейчас стоит проблема лживости этой порочной организации). Токио, 1985, с. 174.
85. Н. Томита, Ук.соч., с. 105.
86. Тёсэн-суру Комэйто, с. 33.
87. Хакай-суру Икэда Сока Гаккай, с. 157.
88. Там же, с. 169.
89. Рассчитано по: Асахи симбун, 07.19.1993.
90. Минсято сэйсаку хандобукку '81 (Карманный справочник по политике ПДС 1981), Токио, 1981, с. 16.
91. Там же, с. 18.
92. И. Касуга, Тэнко (Барабан неба), т. 3, Токио, 1986, с. 574.
93. Дзицуроку: Минсято Бутай-но маку-о акэру отокотати. М. Ириэ хэн (Записки по следам событий: ПДС — люди, открывающие занавес сцены. Под ред. М. Ириэ), Токио, 1985, с. 46, 56, 61.
94. Там же, с. 47.
95. См., например, Д Ирокава и др., Ук.соч., с. 190.
96. Там же, с. 191.
97. Минъи 40 нэн-но нагарэ (Изменения общественного мнения за 40 лет), Токио, 1986, т. 2, с. 186.
98. Там же, с. 129.
99. Подробнее см.: S.J. Pharr. Losing Face: Status Politics in Japan, Berkeley a.o., 1990, p. 44-58.
100. См. подробнее: R.J. Hrebenar, Op.cit., p. 216-217.
101. Ibidem, p. 217.
102. Ibidem, p. 212.
103. Ёмиури симбун, 07.28.1992.
104. Асахи симбун, 07.19.1993.
105. М. Такабатакэ, "Синто гэндзо" дэ нани-га окита ка (Что родилось с "появлением новых партий"). — Экономисутэ, 3.8.1993, с. 57.
106. Рассчитано по: Асахи симбун, 07.19.1993.

AUTHORS' TEAM
(In alphabetical order)

BRAGINSKY Sergei Vladimirovich, Ph.D., Yokohama University.
LEONTIEVA Elena Lvovna, Ph.D., Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.
NISHIDA Kentaro, S.G.Warburg Securities, Ltd.
NOSOV Mikhail Grigorievich, Prof., Institute for American and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.
PEVZNER Yakov Aleksandrovich, Prof., Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.
RAMZES Vadim Borisovich, Prof., Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.
ROSIN Victor Yakovlevich, Ph.D., Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.
SHVYDKO Vitaly Grigorievich, Ph.D., ROTOBO, Ltd. Moscow Branch.
ZAGORSKY Alexei Vladimirovich, Ph.D., Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.
ZAITSSEV Valery Konstantinovich, Prof., "Hitotsubashi" University.

ОГЛАВЛЕНИЕ

CONTENTS

В.Б.РАМЗЕС	3	V.B.RAMZES	3
РЕЗЮМЕ		RESUME	
Я.А.ПЕВЗНЕР	39	YaA-PEVZNER	39
ПРИРОДА СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЯПОНСКИЙ ОПЫТ		THE NATURE OF CONTEMPORARY SOCIAL RELATIONS AND JAPANESE EXPERIENCE	
В.Г.ШВЫДКО	98	V.G.SHVYDKO	98
ДИНАМИКА И СТРУКТУРА НАЦИОНАЛЬНОГО ДОХОДА И НАЦИОНАЛЬНОГО БОГАТСТВА		DYNAMICS AND STRUCTURE OF NATIONAL INCOME AND NATIONAL WEALTH	
Е.Л.ЛЕОНТЬЕВА	125	E.LXEONTIEVA	125
ЯПОНСКИЙ ПОСЛЕВОЕННЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ		POSTWAR JAPANESE EXPERIENCE AND RUSSIAN ECONOMIC REFORMS	
В.КЛАЙЦЕВ	177	V.K.ZAITSEV	177
СТРАТЕГИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА		THE STRATEGY OF SCIENTIFIC-TECHNOLOGICAL PROGRESS	
С.В.БРАГИНСКИЙ, К.НИСИДА	257	S.V.BRAGINSKY, K.NISHIDA	257
ФИНАНСОВЫЕ РЫНКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ		FINANCIAL MARKETS AND ECONOMIC DEVELOPMENT	
В.Я.РОСИН	290	V.Ya.ROSIN	290
НА ПУТИ К "ЭРЕ РЕГИОНОВ": ЯПОНСКАЯ ВЕРСИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ		ON THE ROAD TOWARD "THE ERA OF REGIONS": JAPANESE VERSION OF REGIONAL DEVELOPMENT	
В.Б.РАМЗЕС	321	V.B.RAMZES	321
ГРАНИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА		FAUCETS OF THE INTERNATIONALIZATION PROCESS	
А.В.ЗАГОРСКИЙ	387	A.V.ZAGORSKY	387
ПОСЛЕВОЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ		POSTWAR EVOLUTION OF POLITICAL CULTURE	
А.В.ЗАГОРСКИЙ	423	A.V.ZAGORSKY	423
ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА: ОТ ОБРЕТЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ К НОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ		PARTY SYSTEM: FROM SECURING STABILITY TO NEW INSTABILITY	
М.Г.НОСОВ	487	M.G.NOSOV	487
ПОЛВЕКА ЯПОНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ		HALF A CENTURY OF JAPANESE FOREIGN POLICY	